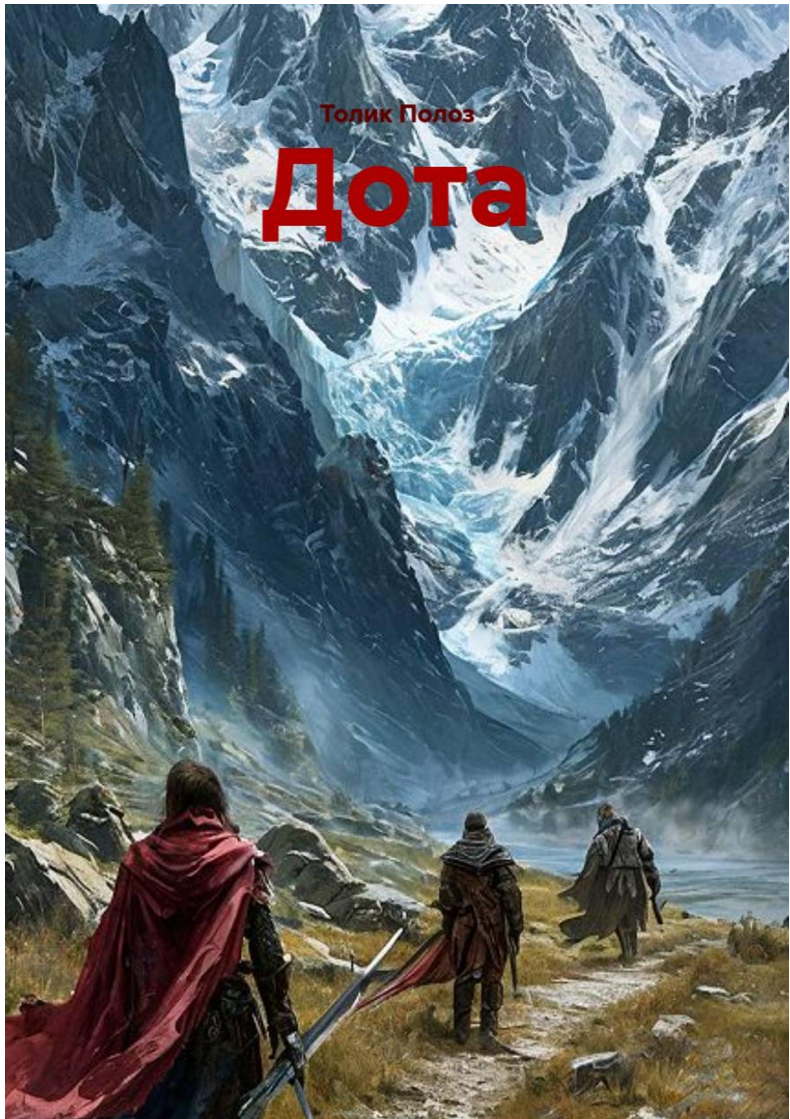

Толик Полоз

Дота

Толик Полоз

Дота

<https://litres.ru/74232633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир волшебства живёт по законам магии и стали, где каждый день начинается с битвы и каждый вечер заканчивается возрождением. Герои, рожденные из стихий, древних рас и демонических договоров, сражаются не только за победу на поле боя, но и за понимание собственного предназначения.

Эпос раскрывает тайны происхождения героев — от двумеров и элементарей до демонов и теней. В главах о Первых войнах оживает история первых столкновений у рек, падения башен и первых союзов, где каждая жертва закладывает фундамент будущей стратегии. Вечная схватка достигает пика у самого трона.

Но даже в этом вечном круге рождаются легенды. Кульминацией становится Интернешнл — величайшее сражение, где индивидуальное мастерство соединяется с командными стратегиями.

Это не просто хроника искусств. Это философия вечной битвы, где герои понимают: именно в этом их суть, их путь и их легенда.

Толик Полоз

Дота

Дота

Часть I. Истоки

Глава 1. Набеги Варваров.

На горизонте клубился огненный закат, и его багровые блики отражались в острых клыках скал. Там, где земля обрывалась в сияющие разломы, начиналась Пустошь Неруба — суровый край, наполненный ветрами и легендами о древних богах, покинувших этот мир. Пески здесь шептали о войнах, которые велись задолго до того, как люди или орки научились выковывать сталь. И всё же именно эти пустоши стали ареной новых сражений, где кланы пытались выжить, сохраняя свои традиции.

Клан Клыка, собравший под своими знамёнами варваров из разных земель, в последние недели испытывал голод и жажду крови. Их набеги на приграничные деревни становились всё отчаяннее. Женщины и дети прятались в каменных пещерах, а мужчины хватались за оружие, едва заслышав боевые кличи рога.

В центре лагеря, возле огромного костра, возвышалась фигура, которую трудно было не заметить. **Кентавр Варранер** — предводитель отряда, гигант ростом в три челове-

ских роста. Его копыта били землю, когда он шагал, а топор, украшенный черепами врагов, сверкал на свету.

— Варвары ждут, — произнёс он своим низким, гулким голосом, обращаясь к сидевшим вокруг костра. — Мы идём на юг, к горам Шейкера. Там ещё остались поселения, что не знают страха. Мы научим их.

Рядом, опершись на массивный посох, стоял **Дизраптор**, шаман из рода наездников на громе. Его плечи были окутаны искрами, а глаза светились электрическим светом.

— Ты торопишься, Кентавр, — прорычал он. — Гроза предупреждает: слишком часто мы жжём деревни, но не собираем дань. Клан живёт не только битвами. Клан живёт союзами.

— Союдами? — раздался смех. Голос принадлежал **Аксу**, прославленный воин, одетый в тяжёлые красные доспехи. Он вышел вперёд, держа на плече гигантскую секиру. — Союзы делают слабых ещё слабее. Я говорю: варвар силен только тогда, когда кровь свежа. Если клан перестанет воевать, он сгниёт.

Огр Маг, двуглавый и неуклюжий, хлопал в ладоши и радостно повторял:

— Кровь! Больше крови!

— Тише ты, болван, — шикнул на него вторая голова. — Кентавр, Акс... вы оба не думаете.

В тени костра молча сидел **Джагернаут**. Его лицо было

скрыто маской, а мечи покоились у ног. Никто не знал его мыслей — только шрамы на руках и бесшумные движения говорили о сотнях битв, пережитых в одиночку.

Наконец в круг света шагнул **Шейкер**, чьё тело было словно высечено из камня. Его кристаллический тотем светился мягким оранжевым сиянием.

— Вы забыли главное, — сказал он. — Пустоши Неруба — не место для вечных набегов. Здесь земля жива. Она помнит шаги древних титанов. И если вы слишком сильно разбудите её ярость, то не найдёте ни золота, ни славы — только смерть.

Ветер усилился, костёр затрещал, будто подтверждая слова Шейкера. Но Кентавр лишь расхохотался.

— Земля? Титаны? Пустые сказки! Я сам титан! — Он ударил копытом о землю, и пламя костра взвилось ввысь. — Пусть земля дрожит от моего топота!

Акс поднял секиру и гаркнул:

— Кровь ждёт нас впереди! Кто идёт со мной?

И толпа варваров взревела в ответ, жаждая похода.

Только Джагернаут молчал. Его взгляд был устремлён не в пламя костра, а за горизонт. Он видел то, чего не видели другие — в темноте мелькнули фигуры разведчиков, тени чужого клана. Враги уже наблюдали.

— Мы не одни, — произнёс он тихо.

Но его слова утонули в гуле военных кличей.

На рассвете отряд снялся с лагеря. Впереди шёл Кентавр,

за ним шагали сотни воинов, а над ними гремели разряды Дизраптора. Шейкер двигался медленно, словно прислушиваясь к сердцу земли. Джагернаут держался позади, готовый встретить невидимую угрозу.

И когда первые лучи солнца упали на каменные склоны, стало ясно: путь вглубь Пустоши будет кровавым.

Так начались набеги варваров — история, в которой кровь смешалась с песком, а судьбы героев переплелись в великой войне.

Пески Пустоши Неруба были беспощадны. Днём они пекли подошвы сапог, ночью превращались в ледяное лезвие, режущее дыхание. Воины клана Клыка шагали молча, закутанные в шкуры, и только лязг оружия и тяжёлое дыхание боевых животных нарушали тишину.

Кентавр шёл впереди, неся на плечах знамя из тёмной кожи с выжженным клеймом — клыком чудовища. Он не чувствовал усталости. Каждое его движение было призывом к силе, к жажде боя.

За ним шагал Дизраптор. Его посох потрескивал, и вокруг клубились голубые искры. Он не отрывал взгляда от горизонта, где багровое солнце растворялось в мареве.

— Вижу бурю, — сказал он. — Но это не гроза небес. Это гроза крови.

Акс, услышав это, только оскалился:

— Тогда води нас прямо в её сердце.

Шейкер, наоборот, нахмурился. Он остановился, коснул-

ся ладонью земли и прислушался. Под ногами дрожали крошечные вибрации, как будто где-то глубоко под песком двигалось нечто огромное.

— Земля беспокойна, — пробормотал он. — Неруб не любит чужаков.

— Пусть попробует меня остановить! — заржал Кентавр, подняв топор.

Огр Маг хлопнул себя по груди и заревел:

— Огр тоже не любит чужаков!

— Заткнись, идиот, — проворчала вторая голова. — Лучше следи, чтобы копыта Кентавра тебе мозг не выбили.

Смех прокатился по отряду. Но Джагернаут не смеялся. Его рука легла на рукоять катаны. Он чувствовал — они не одни.

И действительно. Когда караван воинов пересёк узкий каньон, тени зашевелились. Из-за скал раздался пронзительный звук рога.

— Враги! — выкрикнул Джагернаут, но в тот же миг град стрел обрушился сверху.

Десятки варваров рухнули, пронзённые. Остальные ринулись в укрытие.

— Засада клана Пепельных! — узнал их Дизраптор, поднимая посох.

В небе вспыхнула гроза, и молния ударила в вершину скалы, срывая вниз каменные обломки. Несколько врагов за-

кричали и сорвались в пропасть.

Акс ревел, как безумный, взбираясь по скале прямо под дождём стрел. Его секира раскалывала щиты и доспехи, а кровь стекала по камню.

Кентавр ворвался в гущу боя. Его топор, вращаясь, крушил целые ряды врагов, а копыта топтали тех, кто падал под ноги.

— Вот она, кровь! — кричал он, наслаждаясь боем.

Огр Маг, шатаясь, бросился следом, его руки сияли огнём и льдом. Первая голова орала боевые кличи, вторая — пыталась рассчитать, кого бить первым.

— Слева! — закричала вторая голова.

— Справа! — заорала первая.

И в итоге Огр ударил в обе стороны, сбив врагов с ног.

Шейкер, подняв свой тотем, ударил им о землю. Разлом прошёл по песку, и целая линия противников разлетелась в стороны. Земля дрожала так, что даже союзники едва удержались на ногах.

Всё это время Джагернаут молчал. Он двигался, как тень, его мечи мелькали молнией. Он не рубил — он резал точно и безжалостно. Каждый его шаг был танцем смерти.

Когда дым рассеялся, каньон был завален телами. Варвары Клыка тяжело дышали, но стояли. Враги — клан Пепельных — были разгромлены. Лишь немногие уцелели, бросив

оружие и сбежав в пустыню.

Кентавр вытер кровь с топора и заржал от радости.

— Вот так встречают Клык! Пусть все пустоши знают — мы идём!

Но Шейкер, глядя на разлом, покачал головой.

— С каждым боем мы тревожим землю всё сильнее. Это кончится бедой.

Джагернаут подошёл к телу одного из врагов. На его груди висел странный амулет — кусок обсидиана с вырезанным символом паутины. Джагернаут взял его и спрятал в ладони.

«Это не простая засада», — подумал он. — «Кто-то ведёт их. Кто-то, чьи нити тянутся глубже, чем мы можем представить».

Он поднял голову к горизонту. Там, далеко в тумане пустошей, что-то шевелилось.

Так закончился первый день похода. Варвары праздновали победу, но их сердца не знали: истинный враг ещё только наблюдал из темноты.

Ночь в пустоши Неруба всегда была особенной. Она не дарила отдыха. Луна висела над скалами, освещая их холодным светом, а пески отражали её так, что казалось — сама земля горит серебром. Ветер тянул за собой шорохи, будто где-то вдалеке тысячи ног касались земли, и у костров воины невольно замолкали, вслушиваясь в эти странные звуки.

Клан Клыка праздновал победу. Шкура павшего зверя была натянута дубильно, и пламя костра освещало её багровы-

ми отблесками. Мясо шипело, кружки переполнялись, смех перекрывал шум ветра. Но, несмотря на общий разгул, воины бросали взгляды на край лагеря, где молчал Джагернаут.

Он сидел отдельно, словно одиночка. Маска закрывала его лицо, и лишь отражения огня выдавали глаза. В ладони он сжимал амулет — кусок обсидиана, на котором вырезан знак паутины. Камень был холоден, но время от времени светился, будто в нём билось сердце.

Шейкер, величественный, словно скала, сел рядом. Его взгляд был устремлён на символ.

— Ты не должен был брать его, — сказал он глухо. — Эти знаки несут в себе память.

— Память? — Джагернаут сжал амулет сильнее. — Это всего лишь камень.

— Камень, который хранил душу. — Голос Шейкера был подобен гулу земли. — Того, кто пал под твоим мечом. Теперь он принадлежит тебе. А вместе с ним и его долг.

Джагернаут молчал. Но внутри него росло ощущение, что Шейкер прав.

С другой стороны лагеря поднялся Дизраптор. Его глаза светились электрическим светом, посох искрил в такт сердцу.

— Я слышал голоса, — сказал он. — Пока вы пели песни, гроза принесла мне шёпот. Они звали из-под земли. Символ паутины — это печать. Сломаешь её — и выпустишь то, что спит под пустошью.

Кентавр услышал его слова и заржал. Его смех был как удар грома.

— Сломать? Да я раздроблю этот камень одним ударом копыта! — Он шагнул к Джагернауту. — Дай сюда!

Джагернаут поднял глаза. Маска блеснула. Его рука не дрогнула.

— Нет.

В лагере наступила тишина. Даже пьяные воины замолчали, ощущая, что сейчас может вспыхнуть конфликт.

Акс, сидевший у костра, встал, держа секиру.

— Зачем тебе эта безделушка, масочник? Кентавр прав — если в камне зло, его нужно расколоть. Если в нём сила — она должна принадлежать клану, а не тебе одному.

Огр Маг хлопнул себя по груди и поддержал:

— Да! Клану сила, клану мясо, клану всё!

— Молчи, тупица, — буркнула вторая голова. — Вон, опять в драку полезешь, а потом я твои зубы собирать буду.

Шейкер ударил тотемом о землю. Волна дрожи прокатилась по песку.

— Довольно! — сказал он. — Этот спор не решается криком. Символ не простой. Он нашёл Джагернаута, а не кого-то другого. Значит, такова воля земли.

Дизраптор нахмурился, но не стал спорить. Его глаза вспыхнули.

— Да будет так.

Ночью, когда костры угасли, Дизраптор остался бодрствовать. Он сидел на краю лагеря, прислушиваясь к ветру. Вдруг воздух сгустился, и искры, окружавшие его, вспыхнули ярче.

Гроза показала ему видение. В темноте пустошей возник город, скрытый под землёй. Башни, обвитые паутиной, уходили вглубь, и тысячи глаз смотрели снизу вверх. Он услышал шёпот:

«Мы ждём... Мы голодны... Мы знаем...»

Видение исчезло так же внезапно, как возникло. Дизраптор тяжело вздохнул. Он знал, что впереди — беда.

На рассвете воины собрались снова. Кентавр отдал приказ двигаться к горам — он верил, что там лежат богатые деревни. Акс поддержал его, требуя крови и добычи.

Но Шейкер настоял на том, чтобы сделать колоду.

— Я слышу гул в земле. Мы идём прямо к логову. Если не узнаем, что там, нас ждёт гибель.

Кентавр махнул рукой.

— Пусть твои камни шепчут. Но я не боюсь ни людей, ни тварей.

И всё же разведка была отправлена. Джагернаут вызвался идти сам. Огр Маг, вопреки протестам своей второй головы, увязался с ним.

К полудню они добрались до каньона. Там, в тени скал, Джагернаут заметил движение. Из песка вынырнули фигуры — высокие, худые, с бледной кожей и глазами, светящимися, как у пауков. Их руки заканчивались когтями, а тела были

обмотаны обрывками тканей.

Огр замер.

— Э-э-э... люди?

— Не люди, — сказал Джагернаут. Его мечи блеснули.

Существа не нападали. Они стояли, глядя на амулет, что висел на груди Джагернаута. Потом один из них заговорил на шипящем языке, похожем на треск паутины.

Джагернаут не понимал слов, но смысл ощущал кожей: *«Ты носишь знак. Ты теперь в сети»*.

Один из существ поднял руку и ткнул когтем в землю. Песок задрожал. Из глубины послышался скрежет.

— Назад! — крикнул Джагернаут.

Существо завизжало, и песок разверзся. Из-под земли вырвалась гигантская лапа, покрытая хитином. За ней показалась челюсть, блестящая от яда.

Огр закричал:

— МАМА!!!

— Беги! — отрезала вторая голова.

Но Джагернаут не бежал. Его клинки вспыхнули, и он шагнул навстречу твари.

Бой был коротким, но яростным. Джагернаут прыгнул, рассёк лапу, уклонился от удара жвал. Огр, размахивая руками, случайно выпустил огненный шар, который попал прямо в голову твари. Земля содрогнулась, и монстр снова ушёл

под песок, оставив после себя лишь сверкающую пыль.

Разведчики исчезли вместе с ним, растворившись в пыли.

Джагернаут тяжело дышал. Он поднял амулет. Тот горел мёртвым светом.

— Они идут, — сказал он. — Не люди. Не кланы. Неруб.

Огр сглотнул.

— Может, вернёмся и скажем, что никого не нашли?..

— Нет, — ответил Джагернаут. — Клан должен знать правду.

Когда они вернулись в лагерь, Кентавр и Акс слушали рассказ с недоверием.

— Пауки под землёй? — усмехнулся Акс. — Хорошая сказка для детей.

Но Шейкер, услышав описание твари, мрачно кивнул.

— Я знал. Земля проснулась. Символ — не случайность. Они следят за нами.

Дизраптор встал и сказал твёрдо:

— Если мы продолжим путь, то встретим не деревни, а логово Неруба.

Кентавр замолчал. Воины ждали его слова.

И тогда Джагернаут бросил амулет в пламя костра. Камень не сгорел. Напротив — из огня поднялся чёрный дым, и все услышали шёпот:

«Скоро...»

Пламя погасло. Лагерь погрузился в темноту.

Так началось пробуждение Пустоши. Варвары думали, что ведут обычные набеги, но на самом деле они ступили в битву, которую вели силы постарше богов.

И паутина уже обвивала их судьбы.

Глава 2. Турнир Сатира

Арена Сатира была древним местом. Её строили не люди, и даже не орки. Легенды утверждали, что её воздвигли сами демоны, чтобы развлекаться боями смертных. Каменные круги уходили вниз на десятки метров, и каждый уступ был залит кровью. Стены хранили эхо тысяч криков — восторга и боли, победы и отчаяния.

Когда рассвет окрашивал вершины скал, толпы собрались у входа. Варвары, шаманы, охотники, даже странники из дальних земель пришли взглянуть на **Турнир Сатира** — священное состязание силы и духа.

Глашатай с рогами, украшенными золотыми кольцами, поднялся на постамент и воздел руки:

— Да начнётся Турнир! Пусть арена примет кровь сильнейших! Пусть слава достанется лишь одному!

Толпа взревела.

На арену выходили десятки воинов. У каждого была своя манера боя. Один крушил врагов гигантским молотом, другой — метатель копий — держал противника на расстоянии, третий обладал магией огня и жёг землю вокруг.

Но над всеми возвышался один — **Галл Неухаюс**.

Его имя знали далеко за пределами пустошей. Силач, гладиатор, воин, выросший в боях. Его плечи были широки, как ворота крепости, руки — словно молоты кузнеца. Его оружие было простым — массивный клинок, обвитый цепью, но в его руках он казался живым.

Галл вышел на арену и сразу показал, почему его бояться. Первый противник — варвар с топором — упал от одного удара. Второй — маг, окружённый пламенем, — не успел закончить заклинание, как клинок Галла разрубил его посох и грудь вместе с ним.

Толпа скандировала его имя:

— Галл! Галл! Галл!

С каждым боем он становился всё яростнее. Его глаза сверкали. Он будто черпал силу не только из мышц, но и из самой толпы. Люди жаждали крови, и он давал им её.

Пятый бой, десятый бой — и всё равно он оставался на ногах. Ни одна рана не останавливала его. Он сражался так, словно сам Сатир вложил в него неутомимую жажду победы.

Когда солнце поднялось высоко, и арена была залита телами павших, Галл стоял один. Его дыхание было тяжёлым, плечи в крови, но в глазах искрилась пламя.

Глашатай поднял руку:

— Все соперники пали! На арене остался один — победитель Турнира Сатира, Галл Неухаюс!

Толпа взревела так, что стены задрожали. Люди бросали оружие к его ногам, скандировали его имя.

Галл поднял клинок и с улыбкой воскликнул:

— Никто не сравнится с моей силой! Сегодня арена принадлежит мне!

Но в этот миг воздух дрогнул.

Из тени, прямо в центре арены, шагнула фигура. Сначала её не было видно — лишь легкий мираж, перелив, как рябь на воде. А потом она стала реальной.

Низкий силуэт, лёгкие шаги, блеск кинжалов. Маска закрывала лицо, а глаза светились холодным огнём. Толпа ахнула:

— Рики! Смертоносный из тени!

Это имя произносили шёпотом. Наёмный убийца, мастер невидимости, тот, кто никогда не проигрывал. Его не звали на турниры — он сам выбирал, где появиться. И всегда его появление значило одно: победитель будет повержен.

Галл, увидев его, рассмеялся.

— Ты думаешь, что сможешь меня одолеть? Я — сила арены! Я сразил десятки врагов!

Рики не ответил. Он лишь слегка склонил голову, как хищник перед броском. Его тело окутал лёгкий туман.

Галл ринулся вперёд. Его клинок свистнул, разрубая воздух. Но там, где только что стоял Рики, была лишь пыль.

Толпа замерла. Галл обернулся. Рики уже был у него за спиной. Удар кинжала — Галл едва успел отбить его клинком. Искры полетели.

— Мелкий пронира! — прорычал он и попытался схва-

тить убийцу рукой. Но пальцы схватили пустоту.

Рики снова исчез.

Галл крутился, вдыхая, прислушиваясь. Толпа стихла, наблюдая. В этот миг арена словно исчезла — остались только два воина.

И вдруг вокруг Галла развернулась **вуаль тучи**. Фиолетовый дым заполнил воздух. Зрители вскрикнули: никто не мог видеть, что происходит внутри.

Внутри же Галл кашлял, пытаясь найти врага. Его клинок рассекал дым, но удары были в пустоту. Вуаль глушила звук, скрывала движение.

— Покажись, Сатир! — закричал он.

Ответом стал удар в бок. Кровь брызнула. Второй — в плечо. Третий — в колено. Рики не бил насмерть — он разрезал Галла по частям, как мясник крамсает тушу.

Галл рухнул на колено, ревя от боли. Его клинок упал на землю. Вуаль рассеялась. Толпа увидела, как гигантский воин, герой арены, лежит.

А над ним стоял Рики. Его кинжал блеснул последним разом — и тишина накрыла арену.

Глашатай не решался объявить победителя. Толпа молчала, потрясённая. Побеждён Галл — тот, кто считался непобедимым.

Рики вытер кинжал о плащ павшего, склонил голову в сторону публики и снова растворился в воздухе. Его не стало, словно его и не было вовсе.

И только кровь Галла оставалась на камнях.

Шёпот прошёл по толпе:

— Он победил...

— Сила пала перед тенью...

— Никто не устоит перед Рики...

Турнир Сатира закончился, но его исход запомнили надолго. Люди ещё будут вспоминать, как Галл Неухаюс пал от руки невидимого убийцы.

А в легендах пустошей появилось новое предсказание:

«Не сила решает исход. Решает тень».

Тишина, что воцарилась после падения Галла Неухаюса, была пронзительной. Толпа, ещё мгновение назад ревшая во славу гладиатора, теперь застыла, словно заколдованная. Лишь кровь струилась по камням, впитываясь в сухую землю древней арены.

Но это молчание оказалось лишь предвестием грядущего ужаса.

Из воздуха, словно из самой ночи, начали проступать фигуры. Одни — в чёрных плащах, другие — в масках. Их шаги не слышал ни один ухо, их дыхание было холодом. Они окружили арену со всех сторон.

Толпа заволновалась, кто-то пытался бежать, но невидимые стены не позволяли покинуть трибуны.

— Орден... Орден Теней... — прошептал старый шаман,

сидевший у кромки. Его глаза расширились от ужаса.

Это имя знали все. Легенды гласили, что Орден Теней был древнее любого королевства. Они были не воинами и не магами — они были воплощением самой тьмы. Они вмешивались лишь тогда, когда мир делал шаг в новую эпоху. И каждый раз их приход значил смерть для многих и рождение новой власти.

И теперь Орден явился сюда.

Земля под ногами задрожала. Сначала тихо, словно камни вздыхали, а затем — с рёвом. Из трещин вырвался огонь, арена содрогнулась, и над ней поднялся силуэт, от которого воздух стал тяжёлым, а ярость застыла в жилах.

Это был Галл Неухаюс, его облачили доспехи **Марса**.

Бог войны, в венце из железа и пламени. Его копьё сверкало, как солнечный луч, превращённый в сталь. Щит в другой руке был выше любого воина.

— Довольно, — прогремел его голос, словно гром среди бурь. — Арена отныне не принадлежит смертным.

С этими словами он ударил копьём о землю. В ту же секунду вокруг арены воздвиглась стена копий — не иллюзия, не магия, но оковы божества. Невидимые барьеры сомкнулись, отрезая толпу от выхода, заставляя каждого свидетеля оставаться пленником.

Марс поднял щит и обратил свой взор к Ордену.

— Вы позвали меня — и я пришёл. Пусть эта земля станет печатью войны. Пусть её покроет тьма.

Толпа закричала. Но голоса тонули в грохоте.

В центре арены всё ещё стоял Рики. Его дыхание было ровным, кинжалы — чистыми. Он, казалось, не удивился ни появлению Ордена, ни явлению Марса. Его глаза лишь сверкнули — как будто он ждал этого момента.

Один из старших братьев Ордена шагнул вперёд. Его голос был холодным:

— Ты доказал себя, убийца из тени. Победил силу, непоколебимую, как скала. Ты достоин большего.

Он вытянул руку, и на ладони заплесал знак — чёрный круг, в котором крутились тонкие серебряные линии, словно нити.

— Орден принимает тебя. Ты станешь нашим клинком. Твоё имя исчезнет из мира, останется лишь тень.

Толпа ахнула. Люди понимали: быть принятым в Орден — значит потерять отречение, но обрести власть, страшнее любой силы.

— Если тень зовёт — я иду.

И он протянул руку к символу.

Когда пальцы Рики коснулись чёрного круга, вся арена погрузилась во мрак. Солнце исчезло, звёзды померкли, даже огонь в трещинах земли угас.

В этой тьме заговорили тысячи голосов одновременно. Голоса мёртвых, забытых, тех, кто когда-либо служил Ордену.

— Тот, кто клянётся тени, клянётся вечности. Нет имени. Нет прошлого. Нет будущего. Лишь тьма и клинок. Ты со-

гласен?

— Согласен, — ответил Рики. Его голос был ровным, словно он говорил это не впервые.

— Тогда будь нашим.

Символ в его руке вспыхнул, и по телу Рики прошла рябь. Его силуэт стал ещё тоньше, ещё незаметнее. Он словно растворялся в воздухе, становился единым с ночной завесой.

Когда свет вернулся, Рики стоял там же, но уже не был тем, кем был раньше. Его глаза светились фиолетовым холодом, а за его плечами будто колыбался невидимый плащ — одеяние Тени.

Марс, наблюдавший всё это, рассмеялся — тяжело, гулко.

— Хорошо. Орден вновь имеет клинок. Но запомните, — его копье взметнулось к небу, — клинок без поля боя ничто. Вы — тьма, я — война. Вместе мы создадим мир, где страх станет законом, а смерть — порядком.

Он ударил щитом о землю. Камни взлетели, и арена окончательно заковалась в его силы. Теперь это было не место смертных игр, а святилище.

Орден склонил головы. Рики тоже склонился, но в его глазах мелькнула искра — то ли вызова, то ли признания.

Когда толпа была отпущена, люди бежали, как от пожара. Но слух о том, что Орден Теней явился, что сам Марс заключил арену в свои оковы, разлетелся быстрее ветра.

Имя Рики исчезло из уст простых смертных. Теперь его знали лишь шёпотом, как нового вестника Ордена.

А где-то в подземельях арены, под кровавыми плитами, разрослась новая стезя — невидимая, но реальная. Исток судьбы, где каждый узел вёл к битве, к смерти и к вечной тени.

Орден Теней обрел нового воина.

Марс наложил свою печать на арену.

А Рики шагнул на путь, с которого не было возврата. Но сама судьба знала — их союз будет лишь началом.

Потому что там, где встречаются тьма и война, рождается нечто большее, чем смерть.

Там рождается легенда.

Глава 3. Деревья Фей

Над лесами и реками, где пели птицы и сверкали потоки, возвышался остров. Но это был не обычный остров: он парил в воздухе, держась на невидимых корнях, что тянулись в небеса. И на его вершине раскинулось **огромное дерево**, древнее, чем время, — сердце самих Фей.

Под его тенью жила деревня Светлых Эльфов. Их дома вплетались в ветви, сияли мягким светом, словно каждый был создан не руками, а самой природой. Деревня дышала гармонией, но в этот день воздух был тревожным.

Первым тишину нарушил **Лешрак**. Его облик не принадлежал ни к эльфам, ни к людям. Полуолень, полуколдун, с кристаллами, вросшими в плоть, он ступал по корням дерева, и каждый шаг отдавался эхом в земле. Его глаза горели безумием — вечным поиском гармонии, искаженной временем.

Эльфы встречали его с осторожностью. Они знали его имя — *Лешрак, Погибель Раздора*. Он не был врагом в привычном смысле, но его путь редко приносил мир.

У подножия острова его ждал страж — **Тринт**. Высокий, как сама дубрава, его тело было покрыто корой, а листья дрожали на плечах. Его голос был медленным, но глубоким, словно шум леса:

— Ты снова здесь, Лешрак.

— Гармония нарушена, — ответил тот, не глядя прямо в глаза стражу. — Я слышу крик деревьев. Они предупреждают о разломе.

— И всё же ты несёшь с собой хаос, — заметил Тринт.

Лешрак усмехнулся, но не стал спорить.

Из зарослей, где свет казался гуще, чем тьма, выскользнула фигура. Девушка с тёмными глазами и коварной улыбкой. В её руках плясали тени, а за спиной дрожали тонкие крылья.

— Как же вы скучны, — сказала **Дарк Виллоу**, играя прутиком, из которого сыпались искры. — Разлом, хаос, гармония... Всё это звучит так серьёзно. Может, устроим малень-

кое представление?

Тринт нахмурился.

— Ты здесь не ради игры.

— Но кто сказал, что мир нельзя спасти с улыбкой? — она прыснула в ладонь. — Или разрушить, если станет скучно.

— Я слышала шёпот ветвей, — сказала она. — Дерево Фей плачет. Его корни тянутся к земле, но что-то мешает им коснуться. Если мы не найдём причину, остров падёт.

Эльфы на площади охнули. Парящий остров был их святыней. Если он падёт — падёт и их мир.

Лешрак поднял руки, и вокруг него закружились осколки магии.

— Это не просто тревога. Это знак. Гармония рушится, потому что силы тьмы тянутся к сердцу дерева. Нужно вырвать гниль с корнем.

— Ты всегда рвёшь, — сказал Тринт, его голос грохотал, как гром. — Но дерево требует заботы. Его нужно лечить, а не истощать.

— Иногда лечение хуже самой болезни, — вмешалась Дарк Виллоу, с ленивой усмешкой. — Может, стоит позволить дереву упасть? Тогда, возможно, вырастет что-то новое... и куда более забавное.

Энча резко повернулась к ней.

— Ты не понимаешь. Это дерево — жизнь! Его листья держат свет для всего леса. Без него умрут реки, исчезнут звери, завянут травы.

— Ну-ну, — Виллоу прижала палец к губам. — Ты слишком драматизируешь.

Но спор оборвал странный звук. Сначала тихий, как треск ветки, затем громче. Дерево задрожало. Из-под его корней хлынуло что-то чёрное — как дым, как масло, но живое. Оно тянулось вверх, к ветвям, и листья, едва коснувшись его, начинали вянуть.

Эльфы закричали, бросились в стороны.

— Вот оно, — Лешрак раскинул руки. — Разлом открылся.

Тринт ударил кулаком по земле. Вокруг поднялись стены корней, защищая эльфов от тьмы.

— Не дам дереву пасть!

Дарк Виллоу улыбнулась.

— Какое представление! Ах, я обожаю, когда сказки становятся страшными.

Энча склонила голову к ветвям. Её голос стал песней, и листья дрогнули, пытаясь сопротивляться мраку. Но силы было слишком мало.

Лешрак обрушил магию — молнии и вспышки, разносящиеся эхом. Его осколки кристаллов разрывали клубы тьмы, но за каждым разорванным облаком вырывались новые.

Тринт бил корнями, сдерживая натиск.

Энча направляла силу света, очищая то, что касалось корней.

А Дарк Виллоу... смеялась и танцевала. Её тени крути-

лись вокруг, сбивая тёмные ростки, превращая бой в игру.

И всё же тьма нарастала.

— Это не просто магия, — крикнул Лешрак. — Это зов кого-то древнего!

— Кого? — спросила Энча, её голос дрогнул.

Ответа не последовало. Только шёпот, от которого леденеет сердце: *Мы придём за корнями. Мы придём за светом.*

Когда бой немного стих, четверо собрались у подножия дерева. Их дыхание было тяжёлым, а силы — на исходе.

— Если мы не действуем вместе, дерево падёт, — сказал Тринт.

— Забавно слышать это от того, кто всегда стоял против меня, — усмехнулся Лешрак.

— Может, стоит дать шанс падению? — лениво заметила Дарк Виллоу. Но в её глазах мелькнуло иное — интерес, настоящий страх.

Энча протянула руки к каждому.

— Мы разные. Но дерево Фей связывает всё живое. Если оно падёт — падёт мир. Помогите мне.

Мгновение все молчали. А потом Лешрак положил ладонь.

— Во имя гармонии.

Тринт тяжело вздохнул и присоединился.

Дарк Виллоу пожала плечами.

— Ну ладно, давайте сыграем в эту игру.

И когда их руки соединились, дерево дрогнуло — но не

от боли, а от силы. Его свет пробился сквозь мрак, и тьма впервые отпрянула.

И над деревней вновь засиял свет. Но он был бледнее, чем раньше. Потому что зло не исчезло. Оно лишь отступило, чтобы вернуться сильнее.

Феи знали: с этого дня их мир изменился.

И в центре грядущей бури стояли четверо — Лешрак, Тринт, Дарк Виллоу и Энча. Союзники, но такие разные, что сама судьба сомневалась, удержатся ли они вместе.

Дарк Виллоу шептала ветвям: *Испытание только начинается.*

Летающий остров парил над деревней, словно кусок небесного сада, удерживаемый в воздухе неведомыми силами. Его корни свисали вниз, сплетаясь в гигантскую сеть, а на вершине, в самом сердце, росло дерево — громадное, словно целый мир. Его ствол был так широк, что в нём могли скрываться целые залы и мастерские. Именно там, в глубине древесных камер, феи из поколения в поколение создавали свои дары: **снадобья здоровья и маны, а также свитки телепортации.**

Дарк Виллоу шагала по тропинке, ведущей вглубь ствола. В её руках искрилась веточка, испускавшая фиолетовый свет. Это был её ключ — без него корни дерева не впустили бы её внутрь.

Она шла и прислушивалась. Ствол жил — в нём слышался шелест, будто дерево разговаривало само с собой. Иногда ей

казалось, что оно смеётся над ней, иногда — что плачет.

— О, какая драматичность, — прошептала Виллоу с усмешкой. — Даже дерево умеет плести нить.

Она спустилась ниже, туда, где воздух становился прохладным и пахнул сладкими травами.

Перед ней открылся огромный зал. Стены из древесины светились мягким золотым светом, а в нишах покоились сотни флаконов. Одни светились зелёным — **снадобья здоровья**, другие — синим, как ночное небо, — **снадобья маны**.

Феи работали над ними, напевая заклинания. Их голоса были тонкими и чистыми, и от этих звуков жидкость в пузырьках начинала искриться.

Виллоу остановилась и провела пальцем по ближайшему флакону.

— Ах, маленькие чудеса. Как вы любите спасать глупцов, которые не умеют заботиться о себе. Выпьет воин вашу зелёную жижу — и снова в бой. Сожрёт маг синюю воду — и опять колдует до изнеможения. Как же искусно.

Она поднесла флакон ближе к глазам, и её улыбка стала шире.

— Хотя, если чуть-чуть изменить пропорции... получится совсем другой эффект.

Феи заметили её, замерли, но ничего не сказали. Они знали, что Виллоу — часть их мира, но не доверяли ей до конца. Её тень была слишком непредсказуема.

Виллоу прошла дальше. В глубине ствола находилась ма-

стерская, где на корнях, как на верстаках, лежали пергаменты. Они пульсировали светом, словно живые.

— Свитки телепортации, — пробормотала она, рассматривая их. — О, я обожаю, когда можно исчезнуть в одном месте и появиться в другом. Это так... театрально.

Одна из фей подняла голову и осторожно сказала:

— Мы храним их для защиты деревни. Только избранные могут ими пользоваться.

Виллоу прыснула в кулак.

— Избранные? Какая прелесть. А если я — избранная тьмой? Подходит?

Фея ничего не ответила и вновь склонилась над пергаментом.

Виллоу провела рукой по воздуху, и один из свитков дрогнул, будто сам хотел прыгнуть к ней в ладонь. Но она лишь рассмеялась и отпустила его.

Она знала: внутри дерева были места, куда феи не водили гостей. Тропинки, ведущие в самые нижние корни. Именно туда Виллоу и направилась.

Коридор был узким и тёмным. Здесь не звучали песни, не светились стены. Только её шаги и дыхание.

И там, внизу, она увидела нечто странное.

Корни дерева образовывали чашу, в которой покоился огромный сосуд. В нём переливалась жидкость — не зелёная и не синяя, а чёрная, как сама ночь.

Виллоу прищурилась.

— Ну вот и секретники...

Она подошла ближе и коснулась края сосуда. Тень её пальцев дрогнула, и жидкость ответила — в ней появилось отражение её лица. Но отражение улыбалось шире, чем она сама.

— Ты... — прошептала Виллоу.

И голос, не её, зашептал:

Ты знаешь, что всё это — истоки. Здоровье, мана, телепорты... Это игрушки. А настоящая сила — здесь. Забери её. Возьми меня, и дерево будет твоим.

Виллоу рассмеялась — звонко, весело, но в смехе было что-то тревожное.

— Ах, как заманчиво. Но знаешь, я люблю играть в долую. Пусть пока феи варят свои зелья и пишут свои свитки. А я посмотрю, что будет, когда эта чёрная прелесть просочится наружу.

Она отошла назад, но взгляд её оставался прикован к сосуду.

Когда она поднялась обратно в зал, феи всё ещё трудились. Никто не заметил, что её шаги стали чуть мягче, а тень за её спиной — длиннее.

Она подошла к полке, взяла флакон маны и подбросила его в воздух.

— Ваши снадобья, ваши свитки... все они прекрасны. Но знаете, что будет ещё прекраснее? Когда однажды всё это обернётся против вас.

Феи настороженно посмотрели на неё. Но она лишь под-

мигнула и, смеясь, растворилась в тени.

В тот вечер дерево сияло мягким светом. Снадобья переливались, свитки хранили магию. Феи верили, что их труд спасает мир.

Но глубоко в корнях росла иная сила. И Дарк Виллоу знала о ней.

Она не спешила трогать её. Но однажды придёт момент, когда тьма просочится сквозь свет. И тогда она будет первой, кто встретит её со смехом.

Глава 4. Рассвет Двух Сил

Рассвет над Пустошами был не таким, каким его ожидали увидеть жители. Небо не окрасилось мягким светом, не принесло тёплого дыхания утра. Вместо этого, воздух словно разорвали на две половины: одна — светлая, сияющая золотом, вторая — чёрная, изломанная, будто раскалённые угли вплавились в само пространство.

Эта трещина расколола мир пополам. И вместе с ней пробудились силы, о которых легенды слагались тысячелетиями, но в которые мало кто по-настоящему верил.

— Радиант... — прошептал древний шаман эльфов, глядя на сияющий свет с востока. — Сила Созидания.

— Дайр... — ответил низким голосом Шейкер, стоявший рядом, его глаза расширились от ужаса. — Сила Разложения.

Воины, маги, простые крестьяне и путники — все замерли, чувствуя, как мир вокруг меняется. Солнце больше не

было единым. Его свет переломился на две половины: одна освещала землю мягким изумрудным сиянием, вторая — оставляла шрамы тьмы и обугливала почву.

На востоке, где сияние было ярким, земля оживала. Трава, выгоревшая за годы бесконечных войн, вдруг начала зеленеть. Деревья тянулись к свету, источая свежесть и силу. Воздух наполнился энергией, и каждый, кто дышал им, чувствовал прилив сил. Это была сущность **Радиянт** — исцеляющая, обновляющая, приносящая надежду.

Но на западе, в местах, где чернела тень, происходило иное. Почва трескалась, из неё пробивались ядовитые испарения. Камни становились острыми, будто костяными наростами. Ветер приносил запах гнили. Там пробуждалась **сущность Дайр** — разрушение, смерть, распад.

Их противостояние было не просто битвой за территории. Это было столкновение двух начал, которым предстояло определить судьбу мира.

Среди хаоса нашлись те, кого силы выбрали проводниками.

Сияние Радиянт коснулось Энчи. Она ощутила, как сама природа вливает в её вены энергию, её взгляд наполнился светом. В её руках ожили новые силы: деревья отзывались на её зов, звери преклонялись, а сама жизнь рядом с ней становилась крепче.

— Я слышу их, — шёпотом сказала Энча, обнимая древо.
— Они поют о новой эре.

Но и тьма не оставалась в стороне. **Шадов Файнд** оказался среди первых, к кому обратилась сущность Дайр. Тени вокруг него ожили, сплелись в узоры, напоминающие идола. Его смех прозвучал холоднее прежнего, и из его рук вырвались искры разрушительной магии.

— Что ж, теперь игра станет куда веселее, — сказал он, пряча улыбку под тенями. — Радиант и Дайр... посмотрим, кто победит.

Но появление этих сил не осталось незамеченным для высших.

В залах небесных, где боги наблюдали за миром, загорелись огни тревоги.

Марс, бог войны, опустился на Арену Сатиров и посмотрел в сторону расколотого горизонта. Его оружие дрожало в руках.

— Наконец-то, — произнёс он. — Теперь начнётся истинная битва.

Где-то во тьме, невидимый для большинства смертных, усмехнулся **Оракул**. Он знал, что это лишь начало долгого пути, и каждый шаг уже был предсказан.

На землях, что оказались между светом и тьмой, завязались первые бои.

Кентавр и Акс, ведомые жаждой крови, встретили орды, чьи тела уже начали искажаться влиянием Дайр. У тех из

спин росли костяные наросты, глаза наливались алым светом, и каждый удар их оружия источал яд.

— Ха! Вот она, настоящая битва! — закричал Акс, рубя врага пополам.

Но рядом Джагернаут ощущал нечто иное. Его клинок дрожал, будто сам металл чувствовал приближение древней силы.

— Мы не просто сражаемся за землю, — сказал он. — Мы стоим на границе миров.

В скором времени стало ясно: это противостояние не закончится быстро.

На востоке поднялся лагерь Радиант. Их крепость сияла зелёным светом, её стены прорастали живыми деревьями, а башни источали энергию природы. Камни внутри хранили силу восстановления, а у основания росло дерево — источник их жизни и силы.

На западе, в сердце тьмы, возник лагерь Дайр. Их крепость представляла собой гигантские клыки, торчащие из земли. Башни были из костяной породы, а земля вокруг пропитывалась гнилью, лишая жизнь всякой травинки. Их источник силы — каменный монолит, дышащий смертью.

Так появились две силы, два лагеря, две судьбы.

В это время Рики, недавно принятый в Орден Теней, наблюдал за расколом мира. Его скрытая душа рвалась в сторону Дайр. Там он чувствовал своё призвание — тьма давала

ему больше силы, чем свет.

Но Орден Теней, возглавляемый самим Рики, не спешил принимать сторону. Они знали: война лишь начинается, и стоит дождаться момента, чтобы ударить тогда, когда обе силы будут ослаблены.

Над миром установилось новое равновесие — зыбкое, кровавое, опасное.

С одной стороны, сиял свет Радиант, с другой — клубилась тьма Дайр. Между ними тянулись земли, обречённые стать вечным полем боя.

Ни один смертный, ни один бог ещё не знал, что эта война продлится веками, а её исход решат не армии, а герои. Те, кто станут лицом этой битвы.

И в этот момент, когда солнце окончательно разорвалось на две половины, земля содрогнулась. Мир вступил в эпоху противостояния.

Эпоху Радиант и Дайр.

Ночь, разорванная на свет и тьму, тянулась бесконечно. Мир замер в ожидании. Но земля не собиралась оставаться безмолвной: в её сердце пробуждалось то, что веками было скрыто от глаз смертных.

Сначала раздался гул. Словно тысячи молотов ударили одновременно по коре планеты. Земля дрожала, горы трескали, реки меняли русла. Воины, шаманы и даже простые крестьяне ощущали, как воздух наполнился новой тяжестью —

давящей, созидающей.

И тогда из трещин, что оставили лучи Радиант и тени Дайр, вырвался свет. Не небесный и не магический в привычном смысле. Это было дыхание самой земли — **камни Силы**, заключившие в себе искру мироздания.

На границе Светлого леса, где изумрудное сияние Радиант оживляло каждую травинку, земля раскололась. Из недр вырвался сияющий кристалл, переливающийся зелёными и коралловыми оттенками. Он мерцал, словно сердце.

Энча первой подошла к расколу. Её дыхание сбилось, руки дрожали, когда она коснулась поверхности камня. В тот же миг через её тело прошла волна. Её сердце слилось с ритмом кристалла.

— Это... живое, — прошептала она, чувствуя, как её магия усиливается в десятки раз. — Он разговаривает со мной.

Камень наполнил её видением: она увидела бескрайние леса, где звери и духи жили в единстве, где смерть всегда рождала новую жизнь. Это был облик самой сути Радиант — бесконечный цикл созидания.

Шаманы эльфов называли кристалл **Сердцем Света**.

Но мир не терпит равновесия без противовеса. В западных пустошах, где земля чернела и скверна, из разлома поднялся другой камень. Он был угольно-чёрный, с прожилками багрового пламени. Его свет не сиял, а пожирал. Воздух вокруг сгущался, и каждая живая травинка увядала в его присутствии.

Туда первой пришла Дарк Вилоу. Её шаги были лёгкими, а глаза блестели азартом.

— Ну здравствуй, красавец, — прошептала она и дотронулась до кристалла.

Тьма рванулась внутрь её тела, холодная, как смерть, но сладкая, как запретный плод. Её смех прозвучал над пустошью, и даже твари, искажённые Дайр, отступили.

Видение обрушилось на неё: горы костей, города, обратившиеся в прах, вечная ночь. Но для Дарк Вилоу это не было ужасом. Это было обещанием.

Камень называли **Оком Тьмы**.

Кентавр и Акс, прибывшие к месту пробуждения светлого кристалла, спорили:

— Если эта штука даёт силу, её нужно использовать в бою! — рявкнул Акс, сжимая кулак.

— Нет! — возразил Шейкер. Его голос звучал, как грохот камней. — Это не игрушка. Камни — это дыхание самой земли. Если мы будем тянуть силу ради славы, нас самих разорвёт.

— А если не будем — нас разорвут те, кто осмелится, — буркнул Кентавр.

Так началась первая великая ссора между теми, кто считал камни оружием, и теми, кто видел в них священную суть.

Камни появлялись не только в Светлом лесу и Пустошах.

В горах, у подножия лавовых потоков, из трещины вырвался раскалённый алый кристалл — он бился, как огнен-

ный вулкан. Его пламя сразу привлекло взгляды магов.

В ледяных пустынях, среди вечных снегов, проявился другой — холодный, прозрачный, будто вырезанный из вечного льда.

На болотах, покрытых туманом, возник зелёный камень, источающий яд.

Каждый кристалл тянулся к тем, кто был способен его удержать. Но далеко не каждый мог. Те, кто пытался присвоить силу, не имея воли, сгорали, рассыпались в прах или обращались в чудовищ.

Марс, наблюдая с арены, понял: новая эра войн началась. И не армии будут определять её исход, а камни.

— Эти кристаллы — ключ, — сказал он своим воинам. — Кто соберёт их, тот станет владыкой мира.

Рики, слушая, молчал. Но в его глазах сверкнула искра: он понимал, что Орден Теней уже выбрал свой путь — не служить свету и не тьме, а стать хозяевами баланса.

Камни стали сердцами лагерей.

В основе крепости Радиант сияло Сердце Света, питая башни и воинов. Оно наполняло их здоровьем, исцеляло раны и давало ману магам.

В лагере Дайр возвышалось Око Тьмы. Его энергия порождала скверна, превращала обычные камни в ядовитые башни и кормила их армию.

Так возникла первая система силы: Радиант и Дайр теперь

имели живые источники, которые нельзя было уничтожить, пока не сломишь сам кристалл.

Весть о пробуждении быстро разлетелась по миру. Армии, кланы, маги — все стремились завладеть силой.

Первая битва произошла у горного кристалла, раскалённого пламенем.

На его зов пришли варвары во главе с Аксом, а с другой стороны — слуги тьмы, ведомые жрецами Дайр.

Схватка была кровавой. Огонь кристалла то и дело вырывался наружу, сжигая десятки бойцов. И тогда Акс, безумный от жажды славы, шагнул прямо к камню.

— Смотри на меня, мир! — рявкнул он, и его топор засиял алым пламенем.

Он стал первым, кто впитал силу камня. Но его тело не выдержало. Пламя выжгло его кожу, а глаза загорелись красным светом. Лишь чудом Шейкер оттащил его от кристалла, прежде чем тот обратился в пепел.

— Видите?! — закричал он. — Камни не терпят гордыни! Но в глазах Акса светилась только ярость. Ему было всё равно — он хотел силы, даже если она сожжёт его дотла.

Тем временем шаманы, пытавшиеся заглянуть в глубь камней, видели одно и то же: арены битв, где герои сражаются друг с другом бесконечно, а их смерть лишь возвращает их обратно, чтобы цикл продолжался.

— Это — судьба, — сказал старейшина эльфов. — Камни

хотят войны. Камни жаждут сражений.

Так в мире началась новая эпоха. Не просто война кланов или богов. Теперь сражения вращались вокруг камней — источников силы, которые могли возвысить или уничтожить.

Каждый герой, каждый воин, каждый маг сделал свой выбор: охранять кристаллы, завоёвывать их или искать способ уничтожить.

И с этого момента легенда о вечной битве Радиант и Дайр перестала быть предсказанием. Она стала реальностью.

Глава 5. Призыв героев

Мир уже не был прежним. Камни Силы сияли в сердце лагерей Радиант и Дайр, излучая энергию, что разносилась эхом по всей земле. Их зов нельзя было не услышать: он проникал в сердца существ, что спали веками, в глубины океанов, в вершины гор, даже в пустоту между мирами.

Их голоса звучали не как слова, но как веление судьбы.

«Придите. Ваш путь связан со мной. Ваше время настало».

Первой откликнулась сама земля.

Глубоко под горными пластами, где спал колосс, сковавший своё тело в камень, зашевелились глыбы. Это был Шейкер. Он давно охранял равновесие миров, не вмешиваясь в судьбы смертных. Но теперь дрожь камней Силы разбудила его.

— Вечная война... — его голос был хриплым, будто раскол горы. — И даже я должен ступить на её поле.

Из бездны океана поднялось другое существо — древний маг из бездны иллюзий, **Нага**. Она услышала зов, и её песни отозвались эхом в водах. Для неё камни были не просто источником энергии — они хранили фрагменты её народа, заточённого в глубинах.

— Если это шанс вернуть утраченное, я приму его, — сказала она и вышла на сушу.

В древних руинах, покрытых паутиной и мхом, пробудился другой хранитель — **Драгон Кнайт**. Его клятва защищать человечество спала в глубине души, но камни Силы оживили его дремлющую силу дракона. Его тело затрепетало от боли, когда чешуя выступила на коже, а сердце загорелось пламенем.

— Радиант или Дайр... не имеет значения. Я связан с этой войной, — произнёс он, выпуская первый поток огня.

В то же время в недрах тьмы проснулся Шадов Файнд. Его сущность, созданная из душ погибших, всегда жаждала новой жатвы. И кристаллы, словно маяки, открыли ему бесконечный пир.

— Сколько душ... сколько боли... — его смех эхом пронёсся над пустошью. — Я иду.

С каждым днём становилось ясно: кристаллы не просто источники силы. Они выбирали тех, кто станет их орудием. Шаманы эльфов пытались разгадать тайну:

— Камни связали героев невидимой нитью. Теперь они не могут уйти. Смерть для них — не конец. Их души будут возвращаться, пока война длится.

Так был рожден исход **вечного поля битвы**.

Энча, стоя у Сердца Света, смотрела на новых союзников.

— Мы больше не племена и кланы. Мы избранные. Мы — сердце Радиант.

Дарк Вилоу отвечала ей из другой стороны мира, хохоча:

— А мы — аорта Дайр, держащие нож, что разрежет этот мир!

Так появились первые герои, не просто воины, но существа, навсегда связавшие судьбу с камнями. Их жизнь и смерть теперь принадлежали вечной битве.

Собранные кристаллами, герои ощутили странное — мир словно сжимался в одной точке. Они были втянуты на арену, созданную самой волей камней. Это было поле, где сияли башни, где стояли крепости, где сердце каждого лагеря светилось — **Древо Радиант и Монолит Дайр**.

И именно здесь они впервые увидели друг друга.

— Вот и арена, — сказала Лина, её волосы полыхали. — Посмотрим, кто достоин силы.

— Души ваши будут моими, — отозвался Шадов Файнд, и его глаза вспыхнули алым светом.

Так начался первый призыв.

Но тогда произошло нечто невероятное: павшие начали подниматься. Их тела, разрушенные, восстанавливались. Их души возвращались, связавшись с сердцами лагерей.

— Это невозможно... — прошептала Лина, поднимаясь из праха. — Я... жива?

— Не жива. Ты вечна, пока длится война, — ответил голос кристалла внутри её сознания.

Герои поняли: их судьба отныне не в руках смерти. Они будут сражаться снова и снова, пока одна из сил не падёт окончательно.

Так мир стал ареной вечного конфликта. Камни Силы пробудили древних существ, связав их судьбы с бесконечной войной.

С этого дня герои не принадлежали себе. Их жизнь, смерть, боль и слава теперь были частью цикла.

Радиянт и Дайр получили свои первые армии не из смертных, а из тех, кто был избран самой землёй и небесами.

И вечная война началась.

Тьма сгущалась на границах мира. Камни Силы, пробуждённые недавно, посылали невидимые волны энергии во все стороны, и эти волны будили древних существ, связанных с Вечной Войной узами, старше самих времён. Там, где трещал свет — рождались силы Радиянта; там, где клубилась тьма, откликалась Дайр. Но баланс был зыбок, и каждый шаг мог повлечь разрушение целого мира.

И среди тех, кто услышал зов, был **Хаос Кнайт**. Его дух пронзал космос, мчался по осколкам разбитых миров, где каждое его копыто оставляло трещины в реальности. Взгляд его горел, как угли, и каждое дыхание превращалось в огненный шторм. Он был воплощением первородного хаоса, который не знал границ. Для него Война была не целью, а самой природой существования.

В тот же миг, в глубинах бездн, в зеркалах кривых отражений, пробудился **Террорблейд**. Он был демоном, которого сами демоны боялись. Его душа была разорвана на части и заточена в зеркало, но теперь, когда камни Силы заговорили, оковы дрогнули. Террорблейд взял в руки клинки, способные рассекать само пространство, и прошёл сквозь стеклянные порталы в мир смертных. В его взгляде не было ничего, кроме жажды разрушения, жажды стереть порядок и построить на руинах своё царство.

И где-то у берегов безбрежных морей, на глубинах, куда свет почти не проникает, очнулась Нага. В её венах текла кровь древнего народа, хранителей глубинных реликвий. Её голос мог пленить умы и сердца, а её клинки — пронзить самую ткань магии. Она слышала зов, и её душа наполнялась холодом. Нага знала: грядёт война, и её народ вновь втянут в вечное противостояние.

Над ареной, где сходились линии силы, появился разлом. Камни Силы мерцали, и из их сердцевины вырывались вихри света и тьмы. Их магия соткала **призывной круг**, где каж-

дый герой обретал свою судьбу.

Первым на круг ступил Хаос Кнайт. Его конь взвился, и воздух вокруг начал трещать от перенасыщенной энергии. Копьё, сиявшее тьмой, пронзило пространство, и он произнёс слова, от которых дрожала земля:

— "Где свет — там ложь. Где порядок — там слабость. Я есть Хаос, и я иду вершить вечный бой."

За ним, словно тень, что отбрасывает сам страх, вышел Террорблейд. Его клинки сверкали отражениями других миров, и каждый отражённый образ — это были кошмары тех, кто смотрел на него.

— "Вы звали, и я пришёл. Ваш мир будет сожжён дотла, а из пепла восстанет лишь моё отражение."

Последней на круг ступила Нага Сирена. Её хвост скользнул по камню, оставляя за собой след воды, и в тот же миг на арене поднялся морской туман. Голос её разнёсся эхом, словно пение тысяч духов:

— "Песнь глубин зовёт меня. Я отвечаю. Но помните: тот, кто слышит мой голос, больше никогда не обретёт тишины."

И в этот миг призыв свершился. Герои были связаны силой камней. Их души, их судьбы, их битвы теперь принадлежали вечному полю битвы.

Несмотря на то что все трое пришли к одному кругу, их цели различались. Хаос Кнайт видел в них лишь пешек в своей игре. Он стремился расширить хаос, сломать границы и обрушить стены миров. Террорблейд жаждал уничтожения

— ему был нужен огонь, который поглотит всё. А Нага Сирена, холодная и расчётливая, видела в этом лишь шанс укрепить силу своего народа, завоевать новые земли, как сушу, так и море.

— "Мы связаны призывом," — произнёс Хаос Кнайт, глядя на остальных. — "Но не обманывайтесь. Союз наш продлится лишь до тех пор, пока он служит хаосу."

— "Я не нуждаюсь в союзе," — прошипел Террорблейд, чьи глаза горели огнём. — "Моё отражение сильнее любого войска. Но если мне нужно идти рядом с вами, чтобы сжечь этот мир, я пойду."

Нага склонила голову, её голос прозвучал как мелодия, завораживающая и пугающая одновременно:

— "Война — это музыка. И я сыграю свою партию. Но не забывайте: даже самые громкие клинки могут утонуть в тишине моих песен."

И так трое героев, каждый со своей волей, оказались втянуты в вечную войну, где призыв стал для них цепью.

Не успели они покинуть арену призыва, как пространство дрогнуло вновь. Камни Силы требовали жертвы. Из глубин арены поднялись создания — воины, сотканные из света и тьмы одновременно. Они были безликими, но их сила равнялась армиям. Это было первое испытание, которое должны были пройти призванные герои.

Хаос Кнайт ударил копытом, и его кони возродились из тени. Иллюзии, рождённые хаосом, ринулись в бой, разры-

вая воинов на части. Каждый его взмах копья вызывал расколы реальности, и враги тонули в трещинах бытия.

Террорблейд поднял клинки, и зеркала выросли вокруг него. Каждый враг, что осмеливался напасть, видел своё отражение — и оно тут же нападало на него. Арена превратилась в хаотичный вихрь, где враги сражались сами с собой.

Нага Сирена запела. Её голос окутал поле боя, и воины замедлились, словно попали в вязкий морской омут. Затем её клинки засияли, и каждый удар был точным, как капля, что пронзает камень веками.

Бой длился долго, но герои устояли. Арена покрылась трещинами и водой, отражениями и тенями. Когда последний враг пал, камни Силы замерли, удовлетворённые их мощью.

После битвы Нага подняла взгляд на небеса. Летающие осколки арены складывались в новые знаки, и в этих знаках читалось пророчество.

— "Эта война закончится," — сказала она. — "Радиянт и Дайр будут рождать новых героев, и каждый из нас обречён вновь и вновь выходить на поле битвы."

Хаос Кнайт усмехнулся, его голос гремел, как гроза:

— "Именно это мне и нужно. Вечный бой. Вечный хаос."

Террорблейд сжал клинки, и в его глазах полыхнуло пламя:

— "Пусть будет так. Но знайте: когда мир падёт, только моё отражение будет смеяться над вашими останками."

И с этими словами герои разошлись, каждый унося в се-

бе тайну призыва, тайну вечного круга войны, от которого невозможно избавиться.

Глава 6. Оракул и Тьма

Ночь накрыла мир. Не та ночь, что приносит прохладу и покой, а та, что рождена страхом и неизвестностью. Там, где недавно сияли Камни Силы, теперь витал туман. Он клубился над землёй, проникал в щели, глушил даже дыхание. И в этом тумане появилось существо, чьё существование не поддавалось законам ни Радиант, ни Дайр.

Оракул.

Его тело было соткано из переливов эфира, а глаза горели светом, которого не могло быть в привычной реальности. Он шёл неторопливо, словно скользил, и каждое его слово было не звуком, а вибрацией в сердцах тех, кто осмеливался слушать.

Он знал: его появление здесь не случайность. Камни Силы пробудили не только героев войны, но и того, кто способен узреть саму ткань будущего.

Оракул остановился на месте, где недавно сходились Хаос Кнайт, Террорблейд и Нага Сирена. Земля была иссечена трещинами, пахла морской солью и кровью. Он присел, положив ладонь на почву, и в тот же миг его сознание вырвалось за пределы пространства.

Он увидел круг, который не имел ни начала, ни конца. В этом круге сходились две силы — свет и тьма. Радиант и

Дайр. Их энергия переплеталась, сталкивалась, вновь отталкивалась, и каждый раз вспыхивала новая схватка. Но сколько бы раз силы ни уничтожали друг друга, они рождались вновь.

И голос, голос старше миров, прошептал в его голове:

— "Нет исхода. Вечная война — это дыхание вселенной."

Оракул улыбнулся своей загадочной улыбкой. Для него это не было откровением — это было подтверждением того, что он знал всегда. Но теперь знание обретало форму пророчества, которое должно быть услышано другими.

Туман вокруг сгущался. В нём начали проступать силуэты. Это были не герои, но отголоски Тьмы — сущности, которые рождались там, где воля Дайр была особенно сильна. Их глаза светились красным, их тела были обрывками чёрного дыма и осколков костей.

— "Ты пришёл не вовремя, провидец," — прошипела одна из теней. — "Ты нарушаешь равновесие своим знанием."

Оракул не двинулся. Он лишь склонил голову.

— "Равновесие? Нет равновесия. Есть лишь круг. И вы, вестники тьмы, такие же узники этого круга, как и свет."

Сущности завyli, бросаясь к нему. Их тела проходили сквозь воздух, оставляя за собой ледяные следы. Но когда они приблизились, Оракул поднял руку, и пространство перед ним развернулось. словно сама реальность отступила, не желая подчиняться этим теням.

Существа исчезли, растворившись в эфире.

— "Вы боитесь слов, потому что слова сильнее клинков,"
— произнёс он, обращаясь в пустоту. — "И я скажу то, что должно быть сказано."

Ветер стих. Вдруг всё пространство вокруг стало неподвижным. Даже облака застыли, словно время остановилось.

Оракул закрыл глаза и начал говорить. Его голос не звучал, он разливался. Слова проникали в землю, в воздух, в сердца и души.

— "Я вижу две силы, равные и вечные. Радиант и Дайр. Их природа — отражение друг друга. Свет рождает тьму, тьма рождает свет. В их схватке нет победителя. Победа одной стороны — лишь дыхание для другой.

Я вижу героев, призванных к этому кругу. Они думают, что сражаются ради славы, ради земель, ради своих народов. Но на самом деле они — пешки. Их души переплетены с вечностью, и всякий раз, когда одна из сторон падает, другая восстаёт.

Я вижу конец времён. Но конца войны — нет. Потому что война — и есть конец, и начало, и сама сущность бытия.

И каждый, кто услышит это пророчество, поймёт: войны нет. Есть только вечная схватка, где мы все — лишь отражения."

С этими словами его глаза открылись, и мир вновь пришёл в движение.

Но слово, однажды сказанное, нельзя забрать. Оно начало проникать в умы героев. Те, кто находился ближе всего к

месту пророчества, ощутили его первыми.

Хаос Кнайт, чьё сердце и так было отдано вечной битве, расхохотался.

— "Вечный бой? Что ж, я и не ждал иного. Это мой триумф."

Террорблейд стиснул клинки, и его глаза загорелись ещё ярче.

— "Значит, никакого конца нет. Тогда я сделаю так, чтобы бесконечность принадлежала только мне."

Нага Сирена задумалась. Её взгляд был печален, но голос твёрд:

— "Если война вечна, я превращу её в песню. И пусть моя песнь звучит громче всех."

И где-то вдали, в глубинах лесов, даже самые простые существа — криповые воины, звери, духи — почувствовали холод пророчества. Слово Оракула легло на всё живое, связывая его невидимой нитью.

Но сам Оракул не радовался и не печалился. Для него это было не откровение и не катастрофа, а лишь ещё одна ниточка в бесконечном полотне.

Он стоял на границе двух миров — Радиант и Дайр — и смотрел, как они скандируют, зовя к новой битве.

— "И снова они сойдутся. И снова падут. И снова восстанут. Пока есть дыхание в этой вселенной, будет и битва. Но, быть может..." — он слегка улыбнулся, — "...быть может, даже в круге можно найти иной путь."

Эти слова не были пророчеством. Это была надежда. Но надежда Оракула — вещь куда страшнее любого предсказания.

Прежде чем исчезнуть, он оставил на земле знак — символ, который сиял то светом, то тьмой. В нём переплетались два противоположных начала, и тот, кто посмотрит на этот знак, поймёт истину: всё связано, всё повторяется, всё бесконечно.

И когда он растворился в эфире, по миру прошёл шёпот. И этот шёпот стал новой тенью, легшей на души героев, на поля битв, на небеса и глубины океанов.

Тьма и свет вновь переплетались над ареной Вечной Войны. Но в этот раз Оракул не спешил исчезнуть. Его слова уже проникли в сердца героев, его пророчество о бесконечной схватке разлетелось эхом по мирам, и теперь настал черёд другой истины.

Оракул стоял на месте, где земля всё ещё хранила следы схваток — трещины от копья Хаос Кнайта, осколки зеркал Террорблейда, след воды от хвоста Наги. Он провёл рукой по воздуху, и пространство вокруг дрогнуло.

— "Вы слышали о вечности битвы," — заговорил он, голосом, который был не голосом, а шёпотом времени. — "Но есть то, что питает эту вечность. Без него круг давно бы разрушился. Это — Фонтан Жизни."

Он поднял ладонь к небу, и перед его глазами возникла картина. В воздухе засиял мираж: два источника, сияющих

светом и тьмой, стояли по разные стороны поля. Их воды били ввысь, неся бесконечные потоки. Вокруг них сияли руны, столь древние, что даже сами боги не могли вспомнить, кто высек их впервые.

— "Фонтан Жизни, — продолжал Оракул, — это сердце войны. Два — но один. Радиант и Дайр имеют каждый свой Фонтан, но в сущности это отражение одного и того же источника. Его воды не иссякают. Они несут в себе силу, способную лечить любую рану и восполнять любую утрату маны. Герои, павшие в сражениях, возвращаются сюда, чтобы вновь вступить в бой."

Видение усилилось. Герои падали на поле брани, но их души не исчезали. Сила Фонтана возвращала их тела и души, связывала с вечным кругом.

— "Вы думаете, что смерть освобождает? Нет. Фонтан — это клетка, что удерживает вас в этой вечности. Он даёт вам жизнь лишь для того, чтобы вы могли снова и снова умирать."

Оракул сделал шаг, и земля вокруг засияла изумрудными искрами.

— "Давно, прежде чем Радиант и Дайр обрели имена, был лишь один поток. Живая река, что текла сквозь все миры. Её называли Разливом. Она давала силу богам и смертным, связывала землю, небо и океан. Но когда мир раскололся на свет и тьму, Разлив был разорван на два Фонтана. Так появилась двойственность, питающая вечный круг битвы."

Он вздохнул, словно сожалея.

— "Многие думают, что Фонтан — благословение. Но он — кандалы. Если бы его не было, Война закончилась бы в первый же миг. Смерть стала бы последней, и никто не смог бы вернуться. Но благодаря Фонтану круг держится. Это — корень бесконечной схватки."

Оракул протянул руки вперёд, и на ладонях его возникли два крошечных светила: одно золотое, другое чёрное. Они вращались вокруг друг друга, словно отражая суть Фонтанов.

— "Радиант и Дайр. Их Фонтаны — разные лишь по облику. Но их природа одна. Они дарят жизнь, когда её не должно быть. Они восстанавливают силу, когда она должна быть исчерпана. Они ломают сам закон конечности. Они делают вас героями, но вместе с тем — командой."

Его глаза сверкнули.

— "Именно поэтому ваша война бесконечна. Пока есть Фонтан, есть и круг. Пока вода его струится, вы будете вставать вновь."

В тот миг перед Оракулом возникли образы героев. Он видел, как Хаос Кнайт возвращается к своему Фонтану после падения, лишь чтобы с новым хохотом вновь ринуться в бой. Видел, как Террорблейд, растерявший силы в отражениях, вновь наполняется мощью благодаря бесконечным потокам маны. Видел, как Нага, израненная, встаёт под пение вод, чтобы снова запеть свою песнь.

— "Они думают, что побеждают благодаря себе. Но всё это — сила Фонтана. Без него вы бы пали однажды и навсегда. Фонтан — это ваш источник."

Оракул замолчал на мгновение. В его взгляде появилось что-то новое — не только знание, но и сомнение.

— "Некоторые думают, что война тогда прекратится, когда Радиант и Дайр рухнут, а герои уйдут в вечный сон. Но я вижу другое. Я вижу, как герои, лишённые Фонтана, станут искать новые источники силы. И тогда войны будут уже не вечными, но куда страшнее: без ограничений, без правил, без возрождения."

Его голос стал тише.

Оракул шагнул назад. Его облик начал меркнуть, растворяться в свете и тумане. Но прежде чем исчезнуть, он произнёс последнее слово:

— "Запомните: пока вода Фонтана течёт, вы бессмертны. Но это бессмертие — не дар."

И с этими словами он исчез.

Но его слова не исчезли. Они разлетелись по миру, как ветер, и каждый герой, каждый крип, каждая сущность, связанная с вечной войной, почувствовала их вес.

Хаос Кнайт усмехнулся.

— "Фонтан? Пусть будет так. Для меня нет цепей, есть лишь новые крики и новый хаос."

Террорблейд оскалился.

— "Если Фонтан держит меня в клетке, я сожгу клетку"

вместе с миром. Пусть зеркало треснет, и в его осколках я найду путь к истинной свободе."

Нага Сирена запела. Её песнь была печальной, словно волны о берег.

— "Фонтан поёт со мной. Его вода — это моя песня. И пока она течёт, я буду петь. Но в моём сердце звучит вопрос: что будет, если тишина однажды накроет нас всех?"

И мир, в котором война была дыханием, обрел новую тень — тень сомнения.

Часть II. Тайные артефакты

Глава 7. Мидас — проклятое золото.

Золото.

В этом слове для смертных звучала надежда, для жадных — власть, для отчаявшихся — спасение. Но золото, о котором шла речь в пророчествах Оракула, было иным. Оно не сияло радостью, не давало покоя. Оно обжигало пальцы, оно шептало голоса, оно меняло души. Это было проклятое золото Мидаса.

Оракул поведал историю, которая хранилась в глубинах вечности.

Когда-то, в мире, ещё не разорванном на Радиант и Дайр, жил царь. Имя его было стёрто, но все называли его Мидас. Он правил огромным царством, и его власть была столь ве-

лика, что даже боги смотрели на него с любопытством.

Но Мидас был ненасытен. Ему было мало богатства, мало власти. Он хотел большего — он хотел, чтобы каждое прикосновение приносило ему золото.

И однажды он заключил сделку. Никто не знал, с кем: одни говорили, что с богом жадности, другие — что с демоном хаоса, третьи — что с самим собой. Но желание его исполнилось: всё, к чему прикасался Мидас, превращалось в золото.

Сначала это было чудом. Его дворцы заблестели, сады превратились в золотые леса, реки застыли янтарными потоками. Народ боготворил своего царя. Но радость была недолгой.

Когда Мидас коснулся хлеба — он стал золотым. Когда он прикоснулся к вину — оно застыло металлом. Когда он обнял дочь — её тело превратилось в статую, навсегда лишённую дыхания.

И тогда Мидас понял: его дар — это проклятие.

Но даже проклятие может найти место в войне. Сила Мидаса не исчезла после его смерти. Его руки, его перчатки, его дух — всё это осталось в тканях реальности. И когда вечная война поглотила мир, Рука Мидаса стала артефактом.

Она не просто превращала всё в золото. Она отбирала у врагов их время, их жизненную силу, превращая её в богатство для хозяина.

— "Каждый удар Руки Мидаса," — говорил Оракул, — "это кража мгновения. Враг теряет свою суть, а владелец по-

лучает золото, но золото это несёт в себе печать проклятия. И тот, кто надевает Руку, рано или поздно понимает: чем больше золота в его карманах, тем тяжелее становится его душа."

Воины знали легенду, но мало кто мог устоять. В Вечной Войне золото решало всё: оно давало доспехи, оружие, силу. И потому Рука Мидаса считалась артефактом желанным.

— Хаос Кнайт ухмыльнулся, надев её, и каждая иллюзия его множила золото, пока реальность трещала под тяжестью богатств.

— Террорблейд обжигал клинками врагов, и золото стекало с них, словно расплавленное отражение.

— Даже Нага, певшая о свободе и вечности, не смогла отказаться: её песни собирали золото, и моря поднимались, чтобы служить ей.

Но все они знали: чем больше они пользовались силой Мидаса, тем больше становились похожи на того самого царя — жадного, проклятого, одинокого.

Оракул видел и это. Он предостерёг героев:

—"Мидас не был уничтожен. Его душа до сих пор жива в артефакте. И каждый, кто надевает Руку, впускает его в себя. Он шепчет вам, он направляет вас, он делает вас сильнее... но только для того, чтобы в конце концов вы стали им.

Каждый владелец Руки Мидаса становится новым Мида-

сом. Царь жадности не умирает — он лишь меняет тело."

Эти слова заставили содрогнуться даже самых безрассудных.

Скоро на поле боя вспыхнула битва. Герои Радиант и Дайр сошлись вновь. Среди них был один воин, что осмелился взять Руку Мидаса. Он чувствовал, как его удары не просто убивают врагов — они обращают их в золотой прах. Он богател, он становился сильнее, но вместе с тем ощущал тяжесть на сердце.

Сначала это был лишь шёпот. Потом — голоса. А вскоре перед его глазами появился сам Мидас — золотой, сияющий, но безжизненный, с глазами-камнями.

— "Я здесь," — говорил он. — "И ты — это я. Вместе мы станем вечными."

И воин понял: победы больше не существуют. Есть только золото, золото, золото...

Оракул наблюдал за этим и молчал. Он знал: вмешаться нельзя. Каждое пророчество должно свершиться, и каждая жадность должна пройти свой круг.

Он лишь тихо произнёс:

— "Проклятие золота всегда сильнее, чем меч. Потому что меч убивает тело, а золото — душу."

И вновь круг замкнулся. Рука Мидаса осталась в мире, готовая найти нового хозяина. И каждый новый герой думал, что сумеет обмануть проклятие. Но каждый, кто касался её, слышал один и тот же шёпот:

"Всё золото мира твоё... но ты принадлежишь мне."

Когда история о Мидасе вновь ожила в пророчествах, его перчатка, сияющая золотым светом, оказалась в центре новой битвы. Её искали многие — от царей до простых воинов, ведь каждый знал: тот, кто владеет Рукавицей Мидаса, сможет переломить ход войны.

На поле сражения, где ещё вчера сталкивались Радиант и Дайр, артефакт лежал среди развалин. И первым, кто нашёл его, был не мудрец и не военачальник, а... глуповатый великан, известный всем как Огр Маг.

Огр бродил по полю боя, задумчиво пинал камни и бормотал себе под нос:

— «Э-э... золото хорошо... еда лучше... но золото можно поменять на еду, значит золото лучше? Или еда лучше? Хмм...»

И тут его взгляд упал на перчатку. Она сияла, будто манила его.

— «Ого! Красиво блестит! Может, надеть? А если взорвётся?..»

Вторая голова Огру шепнула:

— «Надевай! Блестяшка — наша!»

И он надел её. В тот же миг Рука Мидаса засветилась, а рядом растущая трава превратилась в золотые побеги. Огр расхохотался, хлопнул ладонью по ближайшему дереву — и оно тут же стало золотым.

— «Ха-ха-ха! Теперь у меня много деревьев для костра!

Подожди... золото же не горит... эх... но всё равно красиво!»

Огр не понимал, что держит в руках проклятие. Но проклятие понимало его. Оно находило путь даже к самым простым душам. В глубине сознания Огра начали звучать тихие шёпоты:

— «Золото — сила. Больше золота. Тебе нужно больше. Всё золото должно быть твоим.»

И хотя Огр оставался наивным и весёлым, его поступки постепенно менялись. Он начал реже делиться с союзниками, больше заботиться о блестящих монетах, которые выпадали из врагов.

Но слухи о находке быстро распространились. И вскоре на поле появился тот, кто никогда не упускал возможности разбогатеть, — **Алхимик**.

Этот двоичный дуэт — ворчливый старик и его огромный голем Грэвл — сразу почуяли запах золота.

— «Грэвл! Смотри, что у этого толстоголового в руках! Это же... это же оно!» — воскликнул Алхимик, подпрыгивая на спине своего компаньона. — «Рука Мидаса! Легенда! Источник бесконечного золота! Она должна быть моей!»

Грэвл лишь недовольно зарычал, но послушно направился к Огру.

Алхимик закричал:

— «Эй, ты, двуголовый! Отдай мне артефакт, ты же всё равно не понимаешь, что держишь!»

Огр почесал затылок:

— «Почему не понимаю? Это блестяшка. Она красивая. Она моя. Ха-ха!»

— «Ты даже не знаешь, что с ней делать!» — взорвался Алхимик. — «Она превращает всё во золото! Это... это смысл жизни! Это... моё наследие!»

Огр на миг задумался, а потом радостно сказал:

— «Ага, я знаю, что делать! Смотри!»

И хлопнул перчаткой по камню. Камень мгновенно превратился в золотой слиток.

Алхимик вытаращил глаза, у него задрожали руки.

— «Дурак... но какой полезный дурак...» — прошептал он.

Алхимик попытался уговорить Огра:

— «Слушай, давай сделаем так. Ты даёшь мне артефакт, а я... я дам тебе целый мешок еды! Пирожки, жаркое, всё что захочешь!»

— «А можно два мешка?» — спросил Огр с улыбкой.

— «Можно три! Хоть десять!» — поспешно ответил Алхимик, чувствуя, как дрожит его сердце от жадности.

Но Рука Мидаса уже пускала корни в душу Огра. И хотя он был простаком, в его глазах мелькнул странный огонёк:

— «Нет... блестяшка моя. Я никому не отдам. Даже за десять мешков еды.»

Алхимик понял: уговоры не сработают. И тогда он решил силой забрать артефакт.

И в тот момент, когда схватка могла разгореться, на поле вышла Энчантресс. Её лёгкий шаг напоминал танец, а за ней бежали олени и птицы. Она взглянула на Огра и Алхимика, затем на сияющий артефакт, и её лицо омрачилось.

— «Вы не понимаете, с чем играете,» — мягко, но твёрдо сказала она. — «Эта рука несёт проклятие. Она убивает всё живое, превращая его в мёртвое золото. Вы разрушаете равновесие.»

Огр замялся.

— «Э-э... я просто хотел красиво...»

Но Алхимик взорвался:

— «Проклятие? Да ты ничего не понимаешь! Это — величайший артефакт в истории! С его помощью я стану самым богатым существом в мире!»

Энчантресс покачала головой:

— «Ты уже раб золота. А ты, великан, пока ещё можешь отказаться. Но если будешь слушать шёпоты артефакта — потеряешь себя.»

Алхимик не собирался слушать. Он приказал Грэвлу атаковать. Огр, хоть и не понимал, что происходит, автоматически поднял руку с артефактом. Взмах — и земля под ногами Грэвла засияла золотыми трещинами. Огромное тело голема на миг заколебалось, будто его связывали золотые цепи.

Энчантресс призвала силу леса: корни взметнулись из земли, пытаясь удержать Алхимика. Но тот был слишком одержим.

— «Я добуду его, даже если придётся уничтожить весь этот лес!» — кричал он.

Битва продолжалась. Вихрь зелени и сияние золота стали кивались, превращая поле боя в странное переплетение жизни и проклятого богатства.

В разгар схватки артефакт вспыхнул ярче прежнего. Из него раздался голос — глубокий, властный, с оттенком жуткой насмешки:

— «Все вы — мои. Ты, дурак-двуголовый, ты, алчный карлик, и даже ты, дитя природы... Я буду в каждом из вас. Я — золото, и от меня не уйти.»

Огр замер. Алхимик улыбался безумной улыбкой. Энчантресс же, напротив, задрожала: она чувствовала, как сама природа стонет от этой силы.

В какой-то момент Огр, не понимая, что делает, протянул руку к Алхимику. Тот жадно ухватился за артефакт, и энергия разрядилась, охватив обоих. Земля затрещала, воздух заискрился золотым светом.

Энчантресс собрала всю свою магию и направила её в артефакт. Природная энергия встретилась с проклятием золота. На миг показалось, что сама реальность раскололась.

Когда свет угас, Огр и Алхимик лежали на земле, тяжело дыша. Артефакт же исчез.

Энчантресс, едва стоя на ногах, прошептала:

— «Я отправила его в иное место... далеко отсюда. Но помните: Рука Мидаса всегда возвращается. Потому что

жадность живёт в каждом сердце.»

И на этих словах лес снова ожил, но золото, оставшееся на деревьях и камнях, не исчезло. Оно было напоминанием, что проклятие Мидаса ещё не исчерпано.

Глава 8. Аганим и его наследие.

Много веков назад, когда мир ещё не был разделён на Свет и Тьму, жил один маг, имя которого вписано в саму ткань мироздания. Его звали Аганим.

Его происхождение терялось в легендах. Одни считали его человеком, другие — полубогом, третьи шептали, что он сам был проявлением силы Архана. Но все сходились в одном: Аганим был гением, чьи знания превосходили даже древних титанов.

Он изучал не только магию стихий, но и саму структуру вселенной. Его заклинания могли менять судьбу, а эксперименты — разрушать и создавать целые миры. Но в отличие от многих магов, жаждавших власти, Аганим искал не золота и не трон. Он искал совершенство магии.

Сначала он создал Скипетр. Это был не просто жезл, а сосуд, в который он вложил часть своей души. Скипетр усиливал способности любого мага, открывал в нём новые грани силы, о которых сам носитель и не подозревал.

Но за усиление приходила цена: маг, державший Скипетр, неизбежно ощущал прикосновение разума Аганима. Словно сам великий маг стоял рядом и направлял его руку.

— «Моя магия — не для себя одного,» — говорил Аганим. — «Каждый, кто достоин, сможет прикоснуться к моему наследию. Но не каждый выдержит.»

У Аганима было множество учеников. Среди них — величайшие колдуны и маги, чьи имена ныне забыты. Каждый из них хотел получить Скипетр, но Аганим никогда не отдавал его целиком. Он создавал копии, фрагменты, кристаллы силы — так появились первые осколки Аганима.

Некоторые ученики использовали их для защиты мира. Другие — для захвата власти. Начались споры, а затем и войны. И хотя Аганим пытался остановить их, его наследие уже вышло из-под контроля.

Говорят, Аганим умер в битве, которую сам же и начал. Другие легенды утверждают, что он вовсе не погиб, а превратился в дух, скитающийся по мирам. Его тело исчезло, но Скипетр остался.

С тех пор артефакт переходил из рук в руки. Каждый новый владелец чувствовал себя избранным. Но с каждым прикосновением дух Аганима становился сильнее, словно собирал осколки своей сущности.

И теперь никто не знает: это лишь артефакт, усиливающий магов, или же хитроумный план самого Аганима, стремящегося воскреснуть через тех, кто им владеет.

Когда началась битва Радиант и Дайр, артефакты Аганима вновь всплыли из тьмы.

— **Лина**, взяв Скипетр, чувствовала, как её огонь сжигает

не только тела, но и души.

— **Лион**, чьи руки уже были изувечены магией, обнаружил, что с Аганимом его пальцы стали орудием мгновенной смерти.

— **Энигма** использовал силу Скипетра, чтобы превращать врагов в ничто, и сам космос содрогался от его заклинаний.

Каждый герой, получивший артефакт, менялся. Их сила возрастала, но вместе с ней — и зависимость от воли Аганима.

Легенды гласят, что именно Энчантресс первой догадалась о настоящей природе артефакта. Она видела, как леса гибли, когда маги злоупотребляли Скиптром. И в её снах являлся сам Аганим.

— «Ты видишь в этом проклятие,» — говорил он. — «Но я вижу в этом путь. Я дал вам инструмент. Вопрос лишь в том, что вы выберете: созидание или разрушение.»

Энчантресс пыталась предостеречь других, но её слова терялись в жажде силы.

Некоторые называли его «ключом к истинному я». Другие — «печатью Аганима», открывающей то, что лучше бы оставалось скрытым.

Оракул говорил о Скиптре Аганима так:

— «Он не был создан, чтобы усиливать. Он был создан,

чтобы собирать. Каждый, кто держит Скипетр, отдаёт часть своей души Аганиму. И когда последний фрагмент будет собран, он вернётся. Не как маг, а как сущность, равная самим камням Силы.»

Эти слова означали одно: Вечная Война была не только сражением Радиант и Дайр, но и ареной, на которой великий маг искал способ воскреснуть.

Слухи о том, что сам Аганим до сих пор жив, множились. Некоторые утверждали, что он скрывается в Междумирье. Другие говорили, что его можно встретить, если войти в глубины Аганимовых Лабиринтов — места, где реальность превращается в испытание.

И каждый, кто попадал туда, слышал его голос:

— «Ты хочешь силы? Тогда докажи, что достоин.»

Лабиринт наполнялся монстрами, испытаниями и абсурдными ловушками. Но те, кто выходил оттуда, получали фрагменты его силы. И всё это лишь подтверждало: Аганим не мёртв. Он наблюдает. Он ждёт.

Некоторые герои начали поклоняться Аганиму как боже-ству.

— **Инвокер** втайне завидовал ему и стремился превзойти его, но в глубине души знал, что пока лишь идёт по его следам.

— **Шторм Спирит** шептал о нём в своих заклинаниях, считая его символом вечного искусства.

— Даже **Пак**, древний фей, признавал, что в Скиптре заключена сила, которая выходит за пределы понимания.

И каждый раз, когда на поле битвы появлялся Скипетр или Шард, баланс менялся. Радиант и Дайр знали: обладатель наследия Аганима мог стать решающей фигурой.

Наследие Аганима не было добром или злом. Оно было вечным вопросом: что ты сделаешь с силой, которая превосходит твоё понимание?

Одни использовали её для защиты. Другие — для разрушения. Но все они, так или иначе, служили единой цели — возрождению того, кто однажды превзошёл саму магию.

И пока Вечная Война продолжается, где-то за пределами этого мира слышится тихий смех:

— «Я вернусь. Не в сказках, не в артефактах. Я вернусь — и вы сами станете моим наследием.»

Инвокер, чьё настоящее имя забыто даже им самим, всегда считал себя величайшим магом всех времён. Его разум был переполнен заклинаниями, а арсенал умений превышал воображение простых смертных. Но даже он ощущал: его силы требуют времени. Слишком долгие заклинания, слишком длинные промежутки между их могуществом.

Когда в его руки впервые попал Скипетр Аганима, он сначала лишь усмехнулся:

— «Я не нуждаюсь в подачках давно умершего мага. Моё искусство и так безгранично.»

Но стоило ему коснуться жезла, как воздух вокруг наполнился шёпотом. Казалось, сам Аганим заговорил:

— «Ты зовёшь себя Величайшим. Но что, если я покажу тебе, насколько малым был твой предел?»

Заклинания Инвокера изменились. Его руки двигались быстрее, заклинания вспыхивали одно за другим, словно он сражался не один, а десяток магов действовали разом. *Sun Strike* разил с небес с минимальной задержкой, *Chaos Meteor* падал чаще, чем враги успевали встать на ноги. Даже *Deafening Blast* стал подобен реву космоса, сбивая сразу целые армии.

И впервые за многие века Инвокер почувствовал: он близок к абсолюту.

Но вместе с этим пришёл страх. В глубине души он слышал смех Аганима.

— «Ты всегда стремился превзойти меня. Но теперь, когда ты стал сильнее, скажи: это твоя сила или моя?»

Инвокер сжал Скипетр и отвернулся. Он не хотел признавать, что даже его совершенство стало лишь продолжением чужого наследия.

Если для Инвокера Скипетр стал искушением, то для Шторм Спирит он оказался истинным подарком.

Элементаль, рождённый из самой стихии молнии, жил ради движения, свободы и веселья. Его смех гремел громом, а шаги оставляли следы искр. Но даже он знал: его *Ball Lightning* жрал слишком много маны, его рывки были огра-

ничены.

Когда же он взял в руки Скипетр, всё изменилось.

— «Оооо! Вот это я понимаю! Молния — нет пауз, без остановки! Скидыщь!» — воскликнул он, взмывая в небеса.

Теперь его движения стали непрерывным вихрем. Он мчался по полю боя, словно сама буря ожила. Каждый рывок наносил больше урона, заклинания вспыхивали чаще, удары раздавались со скоростью раскатов грома.

Враги пытались схватить его, но он был повсюду. Там, где ещё миг назад стоял маг, уже бушевала гроза.

Но и он слышал голос Аганима:

— «Ты смеёшься, дитя бури. Но сколько ещё ты будешь смеяться, если моя сила унесёт тебя за пределы контроля?»

Шторм Спирит лишь рассмеялся громче:

— «Ха-ха-ха! Контроль — это для скучных! Я буря! И если это твой подарок, старик, то я принимаю его с радостью!»

Его веселье было искренним, но глубоко в его молниях уже пряталась печать чужой воли.

Пак был существом иного рода. Древнее фейское дитя, рождённое вне времени, игралось с реальностью, словно с игрушкой. Для него война Радиант и Дайр была лишь забавой, великой драмой, где он выбирал роль по настроению.

Но даже Пак чувствовал: его *Dream Coil*, связывающий врагов, был ограничен. Нити рвались слишком быстро, противники успевали вырваться.

Когда он получил Скипетр, его радость была почти дет-

ской:

— «Ох, какое любопытное творение! А если я попробую...»

Его ультиматум изменился. Теперь нити сна стали прочнее, дольше держали врагов, а боль от разрыва увеличилась. Враги, попавшие в его сеть, больше не могли сбежать, словно сам мир заключал их в оковы сновидений.

Пак закружился в воздухе, оставляя за собой радугу иллюзий.

— «О, какое великолепие! Спасибо, таинственный маг, чьё имя звучит, как звон колокольчиков в вечности!»

Но даже он услышал знакомый шёпот:

— «Ты думаешь, что играешь со снами. Но на самом деле это я играю тобой.»

Пак рассмеялся, но в его глазах мелькнула искра тревоги.

И вот однажды, судьба свела этих троих героев вместе — Инвокера, Шторма и Пака.

Они встретились в заброшенной обсерватории, где когда-то сам Аганим изучал звёзды. Каждый держал в руках свой Скипетр, и воздух вокруг дрожал от силы.

Инвокер холодно произнёс:

— «Вы чувствуете его так же, как и я? Он не даёт нам силы даром. Он вплетает свою волю в каждое наше заклинание.»

Шторм Спирит лишь пожал плечами, искрясь молниями:

— «И что? Сила есть сила! Я наслаждаюсь каждой секундой!»

Пак усмехнулся, паря над землёй:

— «А мне это всё напоминает спектакль. Вопрос лишь в том, кто получит аплодисменты в финале.»

Трое героев стояли на грани откровения. Каждый по-своему понимал, что наследие Аганима — это не просто артефакт, а ловушка, в которую они добровольно вошли.

В ту ночь обсерватория наполнилась сиянием. Звёзды зажглись ярче, и голос Аганима раздался над ними:

— «Вы трое — лишь начало. Мой Скипетр не просто усиливает вас. Он собирает ваши искры, ваши души, ваши дороги. И когда время придёт, всё станет единым. Я — вернусь.»

Инвокер сжал зубы. Шторм засмеялся, но смех его был уже не столь лёгким. Пак же лишь закружился в воздухе, словно стараясь скрыть тревогу.

Каждый понял: их сила теперь неразрывно связана с чужим наследием. И ничто не сравнится с тем грузом, что они теперь несут.

И так, в вечной войне Радиант и Дайр, Скиптры Аганима несли не только силу, но и сомнение. Герои становились могущественнее, их заклинания сияли, их ультимативные способности превращались в легенды. Но за каждой вспышкой скрывался вопрос:

Кто же теперь герой — сам воин или тень Аганима, говорящая его руками?

И в глубинах космоса звучал смех, в котором было всё: гордость, насмешка и обещание скорого возвращения.

Глава 9. БКБ — черная броня свободы.

Давно, ещё до того, как появились Радиант и Дайр, жил король, имя которого ныне стёрто из хроник. Его называли лишь Чёрным. Этот правитель вёл бесчисленные войны, и маги, колдуны и шаманы всех земель пытались поработить его волю, насылая заклинания, чары и проклятия. Но король не склонял головы.

Однажды он велел выковать доспех — броню, что станет непробиваемой не только для стали, но и для магии. Тысячи кузнецов трудились, тысячи рун были вырезаны на металле. И когда доспех был готов, он поглотил саму душу короля.

Так появился Black King Bar — броня, что дарует владельцу свободу от чар и иллюзий, от тьмы и контроля. Но цена за неё всегда была велика: всякий, кто носил её слишком долго, слышал голос Чёрного короля и чувствовал, как его воля уходит прочь.

Прошли века. На просторах войны Радиант и Дайр герои снова и снова сталкивались с магами, чьи заклинания ломали армии. Не было силы против их чар. Один взмах — и воины превращались в пепел, падали в сон или застывали в камне.

И вот тогда на арену вновь вышла броня Чёрного короля. Первым, кто нашёл её, был Шторм Спирит.

— «Ого! Смотри-ка, красивая штучка!» — сказал он, ед-

ва удерживая тяжёлый доспех. — «Пожалуй, надену!»

И в тот миг, когда на него посыпались заклинания, они отлетели, будто наткнулись на невидимый щит. Огр только засмеялся:

— «Ха-ха-ха! Теперь моя очередь!»

Но с бронёй пришла и тяжесть. Огр Маг начал слышать в голове хриплый голос:

— «Ты носишь мою свободу. Но готов ли ты отдать свою?»

Он не понимал, откуда этот шёпот. Для него всё было просто: броня — это сила. Но каждый раз, когда он надевал её снова, он чувствовал: действие её защиты становится короче. Сначала десять ударов сердца, потом восемь, потом шесть.

Так было всегда: броня давала свободу, но лишь на миг. И чем чаще её использовали, тем быстрее она уставала, словно сама душа Чёрного короля не желала делиться своей силой надолго.

Не только Огр Маг прикасался к артефакту.

Нага однажды использовала его, чтобы прорвать магические сети, которыми её связали маги из клана Тёмных. Сбросив путы, она подняла песнь мести.

Сларк облакал себя в БКБ, когда чувствовал, что магия врагов пытается отнять у него душу. В эти моменты он ста-

новился чистой яростью, его клинок сиял, а сама тьма боялась его гнева.

Хаос Кнайт носил броню как напоминание, что даже магия не властна над вечным хаосом. Он смеялся, когда маги пытались сдержать его иллюзии.

Каждый герой, кто касался артефакта, чувствовал не только защиту, но и тяжесть чужой воли.

В один из дней герои собрались в святилище Радиант. Инвокер, Шторм Спирит, Пак, Огр Маг и другие обсуждали БКБ.

Инвокер говорил холодно:

— «Это не просто доспех. Это сосуд души древнего правителя. Сила, которую мы используем, — это его свобода. Но чем больше мы полагаемся на неё, тем короче она длится. И в конце концов — исчезнет совсем.»

Шторм смеялся:

— «Да плевать! Главное, что в бою она работает. Пару секунд — и мне этого хватает!»

Пак заметил:

— «Хм, как интересно... Это как игра с иллюзией: чем больше раз её повторяешь, тем быстрее публика замечает трюк. Чёрный король — великий иллюзионист свободы.»

И только Энчантресс грустно шептала:

— «Я слышала, что тот, кто слишком часто носит броню, перестаёт смеяться. Его душа становится тяжёлой, как металл.»

Испытание силы БКБ настало, когда Радиант и Дайр столкнулись у Каменного Круга.

С обеих сторон маги вздымали заклинания: молнии, ледяные стрелы, тучи яда. Всё поле боя дрожало от магической энергии.

И тогда герои достали БКБ.

Огр Маг ринулся вперёд, сметая врагов. Нага с бронёй прорвала магическую завесу, её копья разили точнее, чем когда-либо. Террорблейд стал тенью, что не останавливает ни одно заклинание.

Но действие брони заканчивалось всё быстрее. Каждый миг становился короче.

И когда защита спала, герои вновь оказались уязвимы. Магия обрушилась на них, и только сила воли спасла их от поражения.

После боя герои вернулись в святилище. Каждый из них понял: БКБ — не просто предмет. Это символ.

Для одних — свободы.

Для других — тяжёлой ноши.

Для третьих — напоминания, что даже свобода имеет це-

ну.

И каждый раз, когда новый герой надевает чёрную броню, где-то в глубине времени слышится голос Чёрного короля:

— «Ты взял мою силу. Но помни — свобода всегда стоит дороже, чем ты думаешь.»

Так вошёл в историю Black King Bar — броня, что стала легендой среди артефактов. Она не уничтожает врагов, не дарует молний и метеоров. Но она даёт то, что дороже всего — право самому решать свою судьбу, хотя бы на миг.

Глава 10. Этериал и сердце бездны.

На севере, там, где море граничит с облаками, есть место, именуемое Зеркальная Гавань. Там вода так прозрачна, что можно увидеть небо в глубине. И именно там, по преданию, впервые появился клинок, выточенный не кузнецами, а самими духами.

Они взяли кусок лунного света, переплели его с дыханием ветров и заключили в прозрачное, будто стеклянное лезвие. Так возник Ethereal Blade, клинок, что не режет плоть, но разрывает грань между мирами.

В отличие от прочих клинков, Ethereal Blade не проливает кровь. Вместо этого он касается души. Тот, кого коснулись его силы, теряет плоть — становится полупрозрачным, уходящим в туман.

Для врагов это значит:

Никакая сталь, никакие стрелы не могут достать их тело.

Но огонь магии жжёт сильнее, потому что духи не прячутся от чар.

Для владельца же клинок открывает новые пути. Он может сам растворяться, становиться частью мира духов, исчезая от ударов. Но каждая такая вспышка требует части его жизненной силы.

Ethereal Blade долгое время принадлежал существам, которые жили на границе миров:

Пugna, малый демон, носил его и открывал врата в потустороннее, изгоняя души ещё живых воинов.

Огр Маг, использовал его, чтобы уводить своих врагов в иллюзорные души.

Морф когда-то владел им, создавая призраков, неотличимых от самого себя.

Но чаще всего клинок находил путь к тем, кто владеет магией. Ведь его сила больше всего раскрывалась в руках тех, кто знал цену чар.

Существует легенда, что Инвокер однажды держал Ethereal Blade. В его руках клинок стал продолжением заклинаний:

Он вызывал холод ветров и замораживал врагов.

Он насылал огонь, который прожигал прозрачную плоть до костей.

Он использовал клинок как ключ, открывающий тайные формулы в самом воздухе.

Но Инвокер сказал:

— «Это оружие слишком честное. Оно не скрывает слабости. Оно показывает врагу, что он смертен, но и самому владельцу напоминает: его плоть ничуть не крепче тумана.»

И отдал клинок обратно в мир духов.

Герои, державшие Ethereal Blade, слышали странные голоса. Они были похожи на ветер, но слова были отчётливы:

— «Ты плоть, но можешь стать духом.»

— «Ты дух, но ещё связан с плотью.»

— «Ты на грани. Сделай шаг.»

И многие делали шаг, растворяясь в иллюзиях навсегда. Но те, кто выстоял, становились хозяевами силы, которой нет равных.

Однажды войска Радиант и Дайр сошлись у подножия Древа Душ, где корни соединяют мир живых и мёртвых.

Среди героев Радиант был Шторм Спирит, а среди Дайр — Террорблейд. Битва была кровавой и беспощадной.

Тогда один из магов поднял Ethereal Blade. Он взмахнул им, и половина вражеского войска стала прозрачной. Их мечи проходили сквозь врагов, не причиняя вреда, но когда маги Дайр обрушили заклинания, духи загорелись, словно факелы.

Так артефакт показал свою истинную природу: он не милует никого, он лишь меняет суть борьбы.

Оракул сказал о клинке:

— «Ethereal — это не оружие, это зеркало. Оно показывает, что все мы — лишь туман. Кто держит его, тот познаёт истину: тело — иллюзия, дух — вечен. Но что страшнее — потерять тело или потерять дух? Этот выбор сделает каждый, кто коснётся клинка.»

Со временем Ethereal Blade стал символом:

Иллюзии — ведь он уводит плоть в мир призраков.

Уклонения — потому что удары теряют силу против духа.

Риска — так как тот, кто становится прозрачным, открывается магии.

Для одних он был оружием спасения, для других — приговором.

Так и осталась в легендах история о Ethereal Blade — клинке призрачной плоти. Он соединяет мир живых и мир духов, делает сильного неуязвимым и вместе с тем уязвимым, как никогда.

И в каждом бою, где появляется этот артефакт, остаётся лишь шёпот ветра:

«Ты больше не тело. Ты лишь призрак.»

Задолго до войны Радиант и Дайр по земле бродил зверь, имя которого произносили с ужасом — Тарраск. Это чудовище было выше гор, его рёв разрывал небеса, а шаги меняли течение рек. Ни копья, ни заклинания, ни мечи не могли его одолеть.

Считалось, что Тарраск бессмертен. Его плоть заживала мгновенно, его сердце било так мощно, что любая рана становилась не более чем царапиной. Многие армии пытались свергнуть его, но падали одна за другой.

Лишь когда древние титаны объединились, они смогли повалить зверя. Его тело превратилось в горы, его кровь — в реки, а сердце сохранило жизнь. И те, кто коснулся его, поняли: сила Тарраска никогда не умрёт.

Так появился артефакт Heart of Tarrasque.

Говорят, первый воин, что поднял Сердце, был обыкновенным человеком. Он умирал на поле боя, его тело было изранено, дыхание прерывалось. Но когда его рука коснулась сердца чудовища, его раны затянулись, а силы вернулись.

Он поднялся, и враги в ужасе закричали:

— «Он не умирает! Его нельзя победить!»

С тех пор сердце стало символом несломленности. Но вместе с этим оно приносило и проклятие: владелец чувствовал зверя внутри себя. В снах он слышал рёв Тарраска, а иногда — видел, как его собственные руки превращаются в когти.

Сердце переходило из рук в руки. Каждый герой использовал его по-своему:

Акс носил его, и его крики боевой ярости становились громче. Даже пронзённый копьями, он продолжал идти вперёд, а его враги теряли дух.

Кентавр с сердцем в груди казался непобедимым. Его копыта гремели, земля дрожала, и он мог вынести целую армию на плечах.

Драгонайт говорил, что с Сердцем Тарраски его чешуя становится толще, а дыхание — горячее, словно он сам превращался в истинного дракона.

Но каждый из них втайне знал: сердце не просто исцеляет. Оно *меняет*.

Однажды Радиант собрались у Великого Древа, чтобы обсудить судьбу артефакта.

Инвокер говорил холодно:

— «Это не дар, а опасность. Сердце меняет носителя. Со временем он перестанет быть героем. Он станет чудовищем, как и Тарраск.»

Акс лишь рассмеялся:

— «Ха! Если быть чудовищем — значит побеждать, то я рад быть чудовищем!»

Кентавр кивнул:

— «В сердце зверя нет зла. Есть только сила. И тот, кто боится её, уже проиграл.»

Но Пак шептал:

— «Хм, люди превращаются в зверей, звери — в легенды,

а легенды — в игрушки артефактов. Очень забавно!»

Судьба Сердца проявилась в битве у Алого Ущелья. Там Дайр бросили всю мощь магов и стрелков против Акса и Кентавра.

Заклинания падали, копья вонзались, стрелы пробивали плоть. Но Сердце билось. Раны затягивались, кровь переставала течь, мышцы наполнялись силой.

Акс сражался, словно бессмертный бог войны, вращая топор. Кентавр шёл вперёд, сметая всё на пути.

Враги кричали:

— «Они не умирают! Это чудовища!»

И в тот миг стало ясно: сердце действительно делает носителя непобедимым. Но в глазах обоих героев уже горел звериный огонь.

После битвы Акс проснулся ночью и слышал внутри себя рёв. Сердце билось громче его собственного.

— «Ты мой. Ты воин, но теперь ты часть меня. Вместе мы будем вечны.»

Кентавр тоже чувствовал, как его сны наполнялись образами Тарраска. Он видел, как горы рушатся, реки кипят. И всё чаще он ловил себя на том, что жаждет разрушения, а не защиты.

Инвокер наблюдал за ними и говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.